

КРОКОДИЛ

№ 7 • МАРТ 1975

«Не всегда отвечают современным требованиям качество и ассортимент выпускаемой продукции».

Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу.

НЕ ЖДАЛИ!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

Ц. СОЛОДАРЬ

Такие вот «романтики»...

Зимой — в Баку,
Весною — близ Атлантики,
А летом —
На Кубани и окрест.
Рекомендуется он так:
«Я из романтиков,
Во мне охота
К перемене мест.
Почти что активистом
Был в Одессе я,
В Батуми
Чуть ударником не стал,
В Алма-Ате я нашумел...
Профессия?
Я по профессии
Универсал.
Мне в Братске
Новоселом быть доверили,
В Тайшет
Заглядывал я,
Видел Усть-Илимск.
На новостройках жил
В тайге, в горах,
На Севере...
Что? Долго ль жил?
Ну что за формализм!
К землепроходству
Тяга неуемная,
Я чрезвычайно легок
На подъем...»

Действительно, он легок
На подъемные
И за длиннющим гонится
Рублем.
Подался на КамАЗ:
«Не так заманчиво —
Представьте, учатся
Почти что все!
И даже женятся!
А где ж она,
Романтика?!!
Где развернуться
Я смогу
Во всей красе?!»

Забрел на БАМ.
Там пробыл
День без малого,
Но вряд ли с ними
Общий я найду язык.
Они уже привыкли
Крепко вкалывать,
А я...»
А он уже от этого
Отвык.

Он в заявлениях силен —
Не счесть подробностей:
И вдохновенье,
И порыв,
И совести указ!
Но весь источник
Вдохновенья —
Сумма прописью,
Он первый среди первых
Лишь у касс.
К геологам
Сейчас он липнет,
Гляньте-ка:
Под песни
Греется, ловкач,
У их костров...

Остерегайтесь все!
Поддельные романтики
Опаснее
Вульгарных летунов!

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ПРЕМИАЛЬНАЯ ЩЕТКА

Председатель рабочкома совхоза «Паньковский» А. П. Алешин заглянул к директору.

— Егор Егорович, скоро мы именинники,—напомнил Алексей Петрович.— На носу День работников сельского хозяйства.

— Давайте отступим от календаря,— предложил Е. Е. Токарев.— Сначала подобьем итоги года, а уж потом закатим свои совхозные именины.

— То-то будет веселье,— потер руки председатель рабочкома.— У нас получится что-то вроде семейного торжества.

И директор учредил внекалендарный праздник, объявив приказом № 168 рядовое воскресенье совхозными именинами. По такому знаменательному событию дали возможность отдохнуть даже доморощенным артистам. И чтобы самим не петь, пригласили самодеятельность из райцентра.

Но гвоздем программы должно было явиться вручение премий. Для поощрения лучших из лучших директор отвалил полторы тысячи рублей. А когда уже утвердили список передовиков и составили ведомость на выдачу премий, председатель рабочкома А. П. Алешин вдруг запротестовал.

— Премиальные внесут ненужную официальность,— замахал он руками.— Вместо денег я предлагаю выдавать подарки. Пусть все будет по-домашнему. Кроме того, подарки доставляют двойную радость и тем, кто их получает, и тем, кто их преподносит.

— С подарками хлопот не оберешься,— возразил Егор Егорович.— К тому же всем не угодишь.

— Положитесь на меня,— заверил директора Алексей Петрович.— На то я и председатель рабочкома, чтобы знать запросы каждого члена нашей профсоюзной семьи. Вот вы, например, разве откажетесь получить в дар настольные часы?

Председатель рабочкома попал, что называется, в точку. Действительно, Егор Егорович как-то сразу понял, что для полного счастья ему не хватает именно настольных часов. И, не теряя времени, директор назначил комиссию по закупке подарков во главе с прозорливым Алешиным. Члены комиссии были освобождены от работы и на специальном автобусе укатили в знаменитый своими магазинами город Ефремов. Выбирая подарки, Алексей Петрович и в самом деле доставил себе двойное удовольствие. Он премировал не только директора, но и самого себя настольными часами «Весна»...

Совхозные именины проходили как нельзя лучше. По знаку ведущей знатные люди достали из накрытой кумачом тумбочки громадный именинный каравай и преподнесли его директору.

— Спасибо за хлеб-соль,— по-отечески поблагодарил Егор Егорович.— Мы в долгу не останемся.

Началась раздача подарков. Под звуки исполняемого баянистом туша на сцену один за другим приглашались лучшие рабочие. И в зависимости от назначения подарка директор находил каждому подходящие слова.

— Наш славный шофер Андрей Филимонович Антошкин постоянно разъезжает по пыльным дорогам,— улыбался Е. Е. Токарев.— И ему то и дело приходится чистить свой костюм. Но отныне он не будет смахивать пылинки обыкновенной щеткой. Примите от нас, Андрей Филимонович, электрощетку.

Шофер взял упакованный в полиэтиленовый мешок подарок и с довольным видом пошел на место.

— Минуточку,— окликнул его председатель рабочкома А. П. Алешин.— За щетку нужно еще в ведомости расписаться.

Конечно, подарки стоили денег, а за них, как известно, необходимо отчитываться. Однако маленькая формальность по сбору подписей не испортила сердечной обстановки. Неприятности начались на следующий день.

После очередного рейса шофер А. Ф. Антошкин решил воспользоваться подаренной электрощеткой. Андрей Филимонович включил ее в розетку. Однако щетка не подала признаков жизни. Все еще не теряя надежды почистить костюм прогрессивным методом, шофер хотел было познакомиться с инструкцией, но она почему-то отсутствовала. Повертев в руках злополучный прибор, Андрей Филимонович обнаружил, что в нем не хватает шурупов... Такая же неудача постигла и другого обладателя премиальной щетки — шофера В. С. Ярославцева. И им ничего не оставалось, как вернуть свои подарки.

Тем временем в рабочкоме разгорелась перебранка.

— Дурачить вздумали! — грозно наступала на А. П. Алешина работница детсада, тоже, между прочим, Алешина.— Электробритва «Чайка» в нашем сельпо стоит шестнадцать рублей, а мой муж расписался за сорок шесть.

— Ошибочка, знать, произошла,— моргал глазами Алексей Петрович.

— А этикетку с ценой вы тоже по ошибке сорвали? — прищурилась женщина.— И подоходный налог, небось, удержите с сорока шести рубликов. Сейчас же исправьте ведомость!

— Ну, и мелочная же вы, Алешина,— прижал ведомость к груди Алешин.— Стоит ли из-за копейки шум поднимать? Уж так и быть, я сам заплачу разницу в подоходном налоге, а денежный документ портить не стану.

В разгар спора в рабочком ворвалась толпа женщин, размахивающих цветастыми шарфами.

— Надувательство! — набросились женщины на Алексея Петровича.— Эти шарфы стоят по шестнадцать рублей, а нас заставили расписаться за двадцать восемь.

Разгневанным женщинам, конечно, и в голову не приходило, что подвох был устроен из самых лучших побуждений. Руководство совхоза исходило из принципа «Не дорог подарок, дорога любовь» и завысило в ведомости стоимость всех подарков специально для того, чтобы показать лучшим людям, насколько они чтимы. Ну, а во избежание разоблачения пришлось, сами понимаете, уничтожить этикетки, ярлыки и гарантийные паспорта...

И тут руководство совхоза стало в тупик: что делать с оставшимися деньгами? Ведь разница в стоимости подарков составила около трехсот рублей... Возвратить в совхозную кассу их было никак нельзя, так как, согласно ведомости, все до последней копеечки потрачено на подарки. И неизвестно, был ли бы вообще найден выход из щекотливого положения, если бы в это дело не вмешался Новодеревеньковский райком партии.

И вот спустя полмесяца после торжества составили наконец правильную ведомость и снова собирали подписи знатных людей.

Затем в кассу было внесено двести девяносто один рубль шестьдесят четыре копейки. Правда, в отчетную ведомость уже не включили вернувших свои негодные подарки А. Ф. Антошкина и В. С. Ярославцева. Конечно, бракованные электрощетки можно было бы заменить настольными часами «Весна». Но директор совхоза и председатель рабочкома не пожелали расстаться со своими подарками. Поэтому знатные шоферы так и остались с носом.

Новодеревеньковский район,
Орловской области.

— Погрелись, и хватит! Доить пора!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Лев ЛОГИНОВ

Рассказ

На ней было платье в горошек. В руках сумочка. Я смотрел на нее с удовольствием.

— Пачку «Беломора» и спички,— сказала она и протянула деньги.

Я сидел в табачном киоске и торговал сигаретами, папиросами, спичками, шариковыми ручками, монпансье...

Это была моя преддипломная практика. Я заканчивал торговый техникум. От суммы выручки и процента выполнения месячного плана зависела моя окончательная оценка. Мое будущее.

Я взглянул на нее еще раз. Потянул воздух носом, чтобы почувствовать тончайшие ароматы изделий польской фирмы «Поллена», но ощутил горьковатый запах табака.

— Известно ли вам,— неожиданно для самого себя произнес я,— что запах «Беломора» держится трое суток и что, по данным социологических опросов, люди, курящие именно эти папиросы, не очень счастливы?

Мои слова произвели на нее должное впечатление.

— А вы, зная все это, торгуете «Беломором»!

Мне показалось, что она рассердилась по-настоящему.

— Но я же предупредил вас.

— Это должны знать все!

Я с ней согласился и тут же написал на листе бумаги: «Люди, курящие «Беломор», не рассчитывайте на удачу!»

Она кнопками прикрепила бумагу к киоску.

Я успел заметить, как несколько покупателей неуверенно потоптались около меня и пошли дальше.

— В таком случае пачку «Бородино»,— уточнила девушка, вынимая из сумочки несколько дополнительных монет.

Я посмотрел на ее платье в горошек, реснички, нос и сказал:

— Правильно. «Бородино» приятнее «Беломора». Но это сигареты для военных, находящихся на действительной службе. Такой сигаретой хорошо затянуться после маневров или перед атакой.

И я вывесил на киоске новое объявление: «Сигареты «Бородино» рекомендуем только военным со стажем службы не менее года».

— Тогда «Яву» и спички,— сказала она.

— «Ява»,— произнес я задумчиво.— Вы когда-нибудь принюхивались к мотоциклу с таким названием?

— Нет.

— Принюхайтесь! Очень много общего. Выхлопные газы мотоцикла и дым от сигарет имеют один и тот же химический состав.

И мы вместе написали еще одно предупреждение курящим: «Даже сигареты «Ява» не доставляют никакой радости».

Девушка задумалась.

— Может быть,— спросила она нерешительно,— подойдет «Дымок» или «Прима»?

Я отрицательно покачал головой:

— Коптят!

Следующее объявление она придумала самостоятельно. «Дымок» и «Прима» — копоть как от керосина!» Мы прикрепили его выше других. Чтобы было виднее.

К киоску то и дело подходили люди с мелочью в руках, но, пробежав глазами по вывешенным объявлениям, тотчас отбегали и покупали мороженое в палатке напротив. Иногда там образовывалась очередь, и дежурный милиционер с трудом наводил порядок. Разумеется, я страдал, наблюдая все это.

— Я слышала, что лучшие сигареты в мире — «Столичные»? — неуверенно спросила девушка.

— Пожалуй,—сказал я.—Дым голубой, прозрачный. Ложится на окружающих тонким, почти незаметным слоем. Легко смывается стиральным порошком «Нептун». Кашель от такого дыма нежный, бархатистый. «Столичные», к сожалению, кончились.

— Ну посоветуйте хоть что-нибудь!

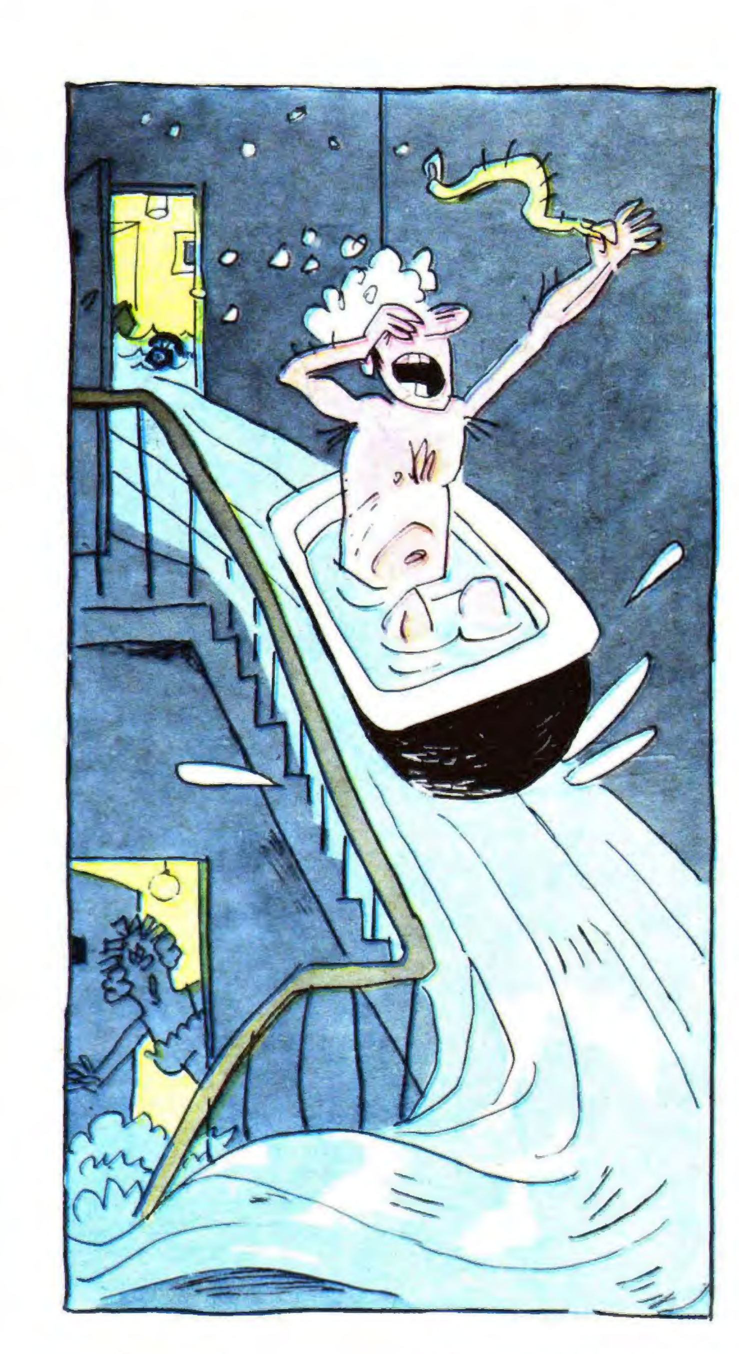
Я осмотрел полки.

— Есть трубочный табак «Золотое руно» и «Флотский». Но трубки женщины вашего возраста начнут курить не раньше чем через три-четыре года. Остается монпансье. Леденцы.

Она взяла коробочку леденцов и, покачиваясь на платформах, скрылась в подземном переходе.

А я прикрепил к киоску новое объявление: «Монпансье вкуснее мороженого!»

Часть очереди у палатки с мороженым дрогнула и перебежала ко мне. Кривая выполнения месячного финансового плана медленно поползла вверх.

— Слесаря!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Ф. КРИВИН

Коротко о Вселенной

КЛЕТКА — ВСЕЛЕННАЯ

В каждой клетке приметы всего организма, в каждой клетке—приметы Вселенной. В каждой части заключен образ целого, и только это дает ей жизнь, потому что малое способно существовать, лишь сознавая себя великим.

ЖИЗНЬ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Всякий раз, уничтожая жизнь на Земле, мы уничтожаем ее во Вселенной.

ПОТОМКИ ПЕРВЫХ

Первый солнечный луч, открывший необитаемую планету Земля, оставил здесь большое потомство.

Огненный луч — от первых костров.

Электрический луч.

Рентгеновский луч.

И, наконец, луч лазера. Всесильный луч, который по примеру своего далекого предка проникает на другие планеты...

И что оставит он там?

Хотелось бы, чтоб тоже лучи.

Лучи должны рождать только лучи, а не мрак, которого и без них достаточно в космосе.

КОСМОС

Падает космос на Землю.

Дождями метеоритов, космической пылью, потоком частиц...

Оседает космос на Землю.

Приживается на Земле.

И уже не знаешь, чего на Земле больше: Земли или космоса? Тепла или холода? Дня или ночи?

В каждом растении — космос. В каждом строении — космос. В каждом движении, в каждом брошенном взгляде...

Чего на Земле больше: Земли или космоса?

Трудно сказать...

Поэтому так дорого нам все земное.

г. Ужгород.

Приключения старого беркутчи

К. СЕЛИНЕВИЧ,
специальный
корреспондент
Крокодила

Старый беркутчи — охотник с беркутом — Сырбай в какой-то газете вычитал, что в Целиноградской области насчитывается несколько тысяч членов общества охраны природы и общества охотников и рыболовов. Сырбай помнит, как за околицей поселка Кургальджинского паслись стаи величавой дрофы, пролетали царственные фламинго, в реке Ишим играла рыба, трудились сильные бобры; на озерах целыми семьями плавали белоснежные лебеди-шипуны, гордые пеликаны, гуси и кряквы. А вот сейчас их что-то не видно. Даже в Кургальджинском государственном заповеднике.

Одолели старого сомнения, и решил он сам лично проверить, что, как и кем охраняется.

Председатель областного общества охраны природы, он же председатель исполкома Целиноградского облсовета депутатов трудящихся А. К. Джулмухамедов, встретил Сырбая любезно, но разъяснил ему, что повседневными делами общества занимается его заместитель М. И. Нарышкова. Она и отвечает за работу общества и его низовых организаций.

Мария Ивановна популярно и доходчиво доказала Сырбаю несомненную пользу проводимых обществом мероприятий по охране природы. Ознакомила его с отчетами. Они были розовые, как фламинго.

«Судя по этим бумагам, браконьеров больше нет. Вывели начисто»,— подумал Сырбай и, вскочив на коня, поскакал домой. Дорога шла через уникальный уголок заповедника—Асаубалыкскую косу. И вдруг он столкнулся с группой явно нетрезвых людей, напугавших его выстрелами. Это были самые настоящие браконьеры.

Уже дома за пиалой холодного кумыса Сырбая осенила идея. Беркутчи обучают птицу выслеживанию и ловле лисы и волка. Старый Сырбай стал тренировать молодого беркута Талгата на поиск... браконьеров. В этом есть свой резон. Численность лис и волков падает, а браконьеры угрожающе множатся. И вот Талгат готов к поиску.

...Сырбай огрел коня плеткой и понесся к озеру Большая Сарыоба. Его Талгат с радостным клекотом то взмывал к облакам, то снова падал вниз, в густые камыши.

«Нашел»,— обрадовался беркутчи. И тут же услышал сухой треск выстрела из камышей. По беркуту. Сырбай пришпорил коня и влетел в тростник, чуть не сбив человека с дымящейся двустволкой. Не раздумывая, он огрел охотника камчой. Тот взвыл от боли.

— Почему бьешь, аксакал? — вскричал человек.— По хищнику стреляю. Кто ты такой, что за беркута человека бьешь?

— Сам ты хищник,— ругнулся Сырбай, показывая на сети и трепещущую в них рыбу.

Задержанными оказались — кто бы мог подумать! — инспектора госрыбоохраны В. С. Балашов и И. Н. Мамзенко, пятью капроновыми сетями ловившие рыбу... в рыбопитомнике!

Из общества, где они были «активистами», этих двух исключили, но на службе охраны природы почему-то оставили.

На другой день с помощью Талгата Сырбай приволок в Целиноград еще более важную птицу, пойманную в Кургальджинском заповеднике. Эта «птица» летела на государственной автомашине № 25-47 КТИ, в которой лежало 15 мешков первосортной рыбы общим весом в 600 килограммов. Улов конфисковали. Возбудили уголовное дело. Но, поскольку «птица» была облечена властью,— это оказался инспектор УМВД по Кокчетавской области старший лейтенант милиции Н. Молдахметов,— дело производством прекратили... за недоказанностью.

Заместитель начальника УВД Целиноградского облисполкома полковник милиции Б. Аужанов с умилительной наивностью обосновал это решение так: «Проведенным расследованием и розыскными (?!) мероприятиями установить лиц, у которых была приобретена рыба, какое количество ее было приобретено и по какой цене, не представилось возможным (?!)».

В следующий раз беркут Талгат спикировал на целую группу браконьеров, отстрелявших трех грациозных косуль. Это были товарищи из Степногорска М. П. Белобородов, Н. И. Романенко, А. Н. Енин и А. К. Рыжков.

Так, изо дня в день Сырбай вылавливал и доставлял в Целиноград губителей природных богатств. Когда число исключенных из общества достигло рекордной высоты, М. И. Нарышкова вспылила:

— Сырбай-ага, почему ты таскаешь к нам исключительно членов общества, а других не трогаешь?

— Это не я таскаю, а беркут Талгат. Наверно, он не любит браконьеров с удостоверениями общества охраны природы.

— Ты понимаешь, что делаешь? Уже пятьдесят пять человек исключили. Скоро работать будет не с кем. Что начальство обо мне подумает?

— Не знаю,—отрезал Сырбай.— Я, например, думаю, что без таких людей общество станет лучше.

— Ну, прошу вас, Сырбай-ага,— переменила тон Мария Ивановна,— прошу, переключите своего Талгата на обычного браконьера, конкурсную премию получите.

— Ладно,— подумав, согласился аксакал,— попробую вылавливать подряд. Только уговор: загляните на реки Ишим, Нура, Кайракты, на озеро Барлыгуль, наведите там порядок. Пропадают водоемы, в них уже не вода, а химическая жижа какая-то. Саубол, до свидания, значит.

И снова началась охота на браконьеров. Но однажды чуть не погиб беркут. Он спикировал на мощный автокран, стоявший у самого берега Селетинского водохранилища. Подоспевший Сырбай впервые увидел механизированного браконьера. В. А. Еропкин, машинист Степногорского стройуправления, заготавливал рыбу с помощью автокрана. Сырбай изумленно глядел, как ловко Еропкин забрасывал в озеро провода, прикрепленные к длинной стреле крана, включал мотор. Провода несли смертоносные молнии напряжением в 360 вольт, уничтожавшие все живое в радиусе 50 метров от стрелы. Еропкину оставалась самая малость: вылезти из кабины и совать в приготовленные мешки всплывшую, оглушенную током рыбу. И все ж он не успевал: тысячи всплывших рыб шли на дно, как на кладбище. Механизированного браконьера Сырбай сдал рыбинспектору В. Н. Кравченко. Но тот... отпустил его с миром.

После этой истории местные власти ударили в набат. Организовали подвижной моторизованный отряд, в задачу которого входило посрамить индивидуалиста Сырбая с его Талгатом. Результаты были оглушительны: в Кургальджинском заповеднике за один заход было задержано несколько сотен браконьеров.

Как же с ними поступили?

— Оштрафовали. Всех до единого. От 30 до 100 рублей каждого голубчика,— ответили Сырбаю.— У нас насчет этого строго, уважаемый аксакал. Попался — плати денежки. В другой раз в заповедник не полезет.

— Ой лн! — только и сказал Сырбай, взбираясь на коня.

В сердцах он огрел вороного камчой и поскакал в заповедник, где его ждали старые друзья: директор, трое ученых и шесть егерей, охраняющих 185 тысяч гектаров уникальнейших заповедных угодий.

Да, чуть не забыл: им помогают еще несколько тысяч членов общества охраны природы.

О некоторых из них читатель уже знает.

Целиноград.
Казахской ССР.

— Безобразие! Хулиган!

Рисунок
К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

По второму кругу...

Едва Иркутский горисполком закрыл асфальтовый завод в районе Академгородка, как на фоне ожившей природы появился ликующий транспарант «Зона отдыха». Живее забились сердца ученых мужей. Распахнулись окна. Засуетились мечты о прекрасном и полезном досуге на воздухе чистом, как озеро Байкал в лучшие свои годы.

Едва инициативная группа оборудовала пристань для речного трамвая, едва были поставлены скамейки и зафункционировала лодочная станция, как асфальтовый завод в районе Академгородка задымил вновь. Дрогнули сердца ученых мужей. Запахнулись окна. Улетели мечты о прекрасном и полезном досуге.

Едва Иркутский горисполком закрыл... Нет, вторично этого пока еще не произошло, но цикл, как видите, наметился. Сколь долго длиться ему?

Р. К.

Рисунок
Ю. ФЕДОРОВА

— Кто за предлагаемую резолюцию... Прошу голосовать!
— Я — вист!
— Я — пас!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Владимир КОТОВ

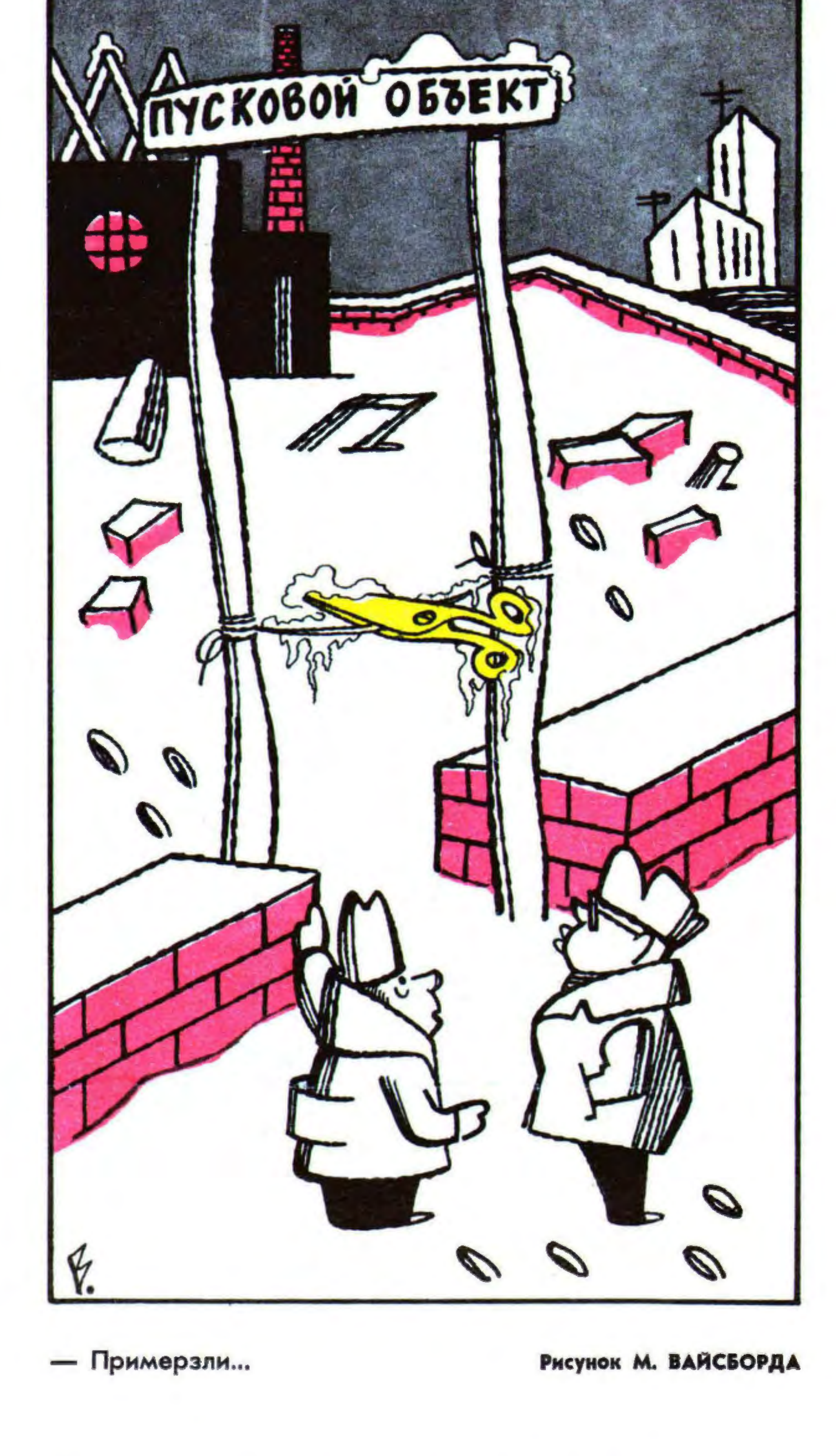
Кому стирать пеленки?

Молодожены жили
уже который год,
и жили — не тужили,
всему, мол, свой черед.
Влюбленным
звезды рады
и год и пять светить,
но все-таки
пора бы
детишек заводить...
Детишек любим все мы.
Как хлынет в дом весна!
Но все-таки
проблема
мерещилась одна...
Какая же! Какая!
И есть ли в ней резон!
Работа
неплохая,
квартира
неплохая,
санузел разделен!
За зорькой зорька меркла,
тянулась жизнь, как сон.
Она смотрела в зеркало,
и в телеящик он.
Вот снова о ребенке
он стал ей намекать.
— Послушай, а...
пеленки!
Кому стирать пеленки!
Ты будешь помогать!
— Пеленки!!.
Цель другая
есть в жизни у меня!

Смеешься, дорогая!
Пеленки и...
и я!
Ты знаешь, чем я занят,
мои дела, мечты!
Пеленки,
это — маме,
а мамой
будешь
ты...
Жена сказала тонко:
— А папой ты! И сядь!
Так ты меня к пеленкам
желаешь
привязать!
Ах, как ты мыслишь жалко!
И вот моя судьба!
Что я тебе — служанка!
Что я тебе — раба!
Не ценишь интеллекта
ты моего... Нахал!
А знаешь ты,
что некто
мне как-то предлагал...
Я дура! Не иначе!
На что уйдут года!
Имела бы в придачу
все, что хочу, и дачу...
А ты мне стирку!! Да!!
Такой вот диспут звонкий,
среди других забот,
«Кому стирать пеленки!»
идет который год.
Идет все тише, тише...
Ну, а чего шуметь!
Сначала ведь
детишек
не грех бы заиметь!
Жизнь все сама расставит,
определит вполне,
и маму не оставит
и папу не оставит
от дела в стороне...

Но годы катят грозно,
упреками полны...
Затихли споры.
Поздно!
Пеленки не нужны...

— Примерзли...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Е. ДУБРОВИН

К любви — через борьбу!

Рассказ

Все началось с того, что я познакомился с одной девушкой. Это была очень хорошая девушка, почти без недостатков. Почти, потому что один недостаток у одной девушки все-таки был. Девушка сходила с ума от всего спортивного: разные там соревнования, турниры, матчи, а главное, у нее из головы не выходили спортсмены. Она знала в лицо всех знаменитых спортсменов и даже часть незнаменитых. Вместо того чтобы, как все нормальные начинающие влюбленные, ходить по кино, театрам и целоваться в подъездах, мы торчали в спортивных залах, на стадионах или дежурили у гостиниц, подкарауливая знаменитых спортсменов на предмет автографов.

— Ах, почему ты не спортсмен! — говорила мне эта девушка при случае и безо всякого случая.— С ними так интересно. Они сильные, стройные, малоразговорчивые.

Сначала я не обижался, потому что считал себя в достаточной мере сильным, стройным и малоразговорчивым. Во всяком случае, с меня всего этого было достаточно. Но со временем такие разговоры мне стали надоедать, хотя я человек очень уравновешенный. Да и хотел бы я знать, кому это не надоест?

— Знаешь, что,— сказал я как-то этой девушке,— может быть, я не спортсмен, но для нормального человека у меня все есть, что надо, даже, может быть, чуть больше, потому что я люблю животных, особенно пресмыкающихся.

Довод насчет пресмыкающихся всегда сильно действовал на эту девушку, но нельзя же бесконечно эксплуатировать пресмыкающихся.

В общем, надо было что-то предпринимать. И дураку было ясно: долго в сердце этой девушки на любви к пресмыкающимся я не продержусь.

После долгих размышлений я решил поступить в секцию классической борьбы.

— Ах, какие они ужасные! — восхищалась моя девушка борцами.— Ну, просто буйволы! Быки-тореадоры! Посмотри, какие у них загривки!

Конечно, выбирая секцию борьбы, я понимал, какой длинный и тяжкий путь мне предстоит от худощавого человека до быка-тореадора с загривком, но мне ничего не оставалось другого.

Легко сказать — поступить. Секция борьбы спортобщества «Салют» была переполнена.

Шансов у меня было маловато. Не то чтобы я был уж какой-то там заморыш, нет, я был далеко не заморыш, просто я в жизни никогда не занимался физкультурой: не бегал, высунув язык, по утрам, как некоторые, не плавал в проруби, не мучил велосипед и даже, если уж быть до конца честным, никогда не делал элементарной физзарядки.

Да, шансов у меня было маловато. Особенно когда я увидел, с кем мне придется иметь дело. На конкурс пришло человек пятьдесят, а набирали всего пять. Во дворе, где мы прогуливались, прежде чем нас запустили в зал, я внимательно разглядел своих соперников. В основном это был мускулистый и толсторожий народ. Чувствовалось, что идея заняться классической борьбой пришла к ним не сразу, а долго вынашивалась в их коротко остриженных головах. Будущие борцы сидели молча, положив руки на колени, попыхивали сигаретами, исподлобья разглядывали друг друга. В каждом их движении чувствовались сила и уверенность.

Я уныло бродил вокруг скамейки, где сидели эти крепыши. Даже если удастся каким-то чудом перебороть вон того, самого хлипкого крепыша, и то остается девять человек. А если жребий сведет меня вон с тем человеком-горой? Да тот за полминуты сделает из меня чучело с опилками.

Вскоре нас запустили в зал. Вышел тренер весь в белом: белые тапочки, белые брюки, белая рубашка, белый ремешок от часов — я в жизни не видел такого белого человека — и сказал:

— Полчаса разминка.

Все разделись и молча принялись наскакивать друг на друга. Тренер же сел за стол, положил перед собой тетрадку, достал секундомер и щелкает, щелкает им, а сам потихоньку поглядывает на нас. Стало мне любопытно, чего это он там щелкает да поглядывает. Прошелся ненароком вблизи. Вижу, в тетрадке все наши фамилии, а против фамилий все цифры, цифры.

Понятно... Он же присматривается к нам. Конкурс — это так, фикция. Здесь возможны всякие случайности: человек напряжен, следит за собой, скрывает свои недостатки. А сейчас, когда мы уверены, что за нами никто не наблюдает, мы стали сами собой, расслабились, потеряли бдительность, распустили нюни. Выбирай кого хочешь. Все как на ладони. До чего же этот белый тренер хитрый парень!

Ну, думаю, как хорошо, что я тебя раскусил. И решил не терять ни секунды. Оглядел зал. Вижу: возле меня человек-гора разминается. Играет мускулами, дышит усиленно, кровью весь налился. Разбегаюсь я и изо всей силы врезаюсь человеку-горе головой в живот. Тот чуть качнулся и спрашивает:

— Ты что, чокнутый?

Думал, значит, что я это по ошибке врезался. И опять играет мускулами, дышит усиленно.

Второй момент я выбрал более удачный. Дождался, пока человек-гора присядет на корточки, опять разбежался и как сигану ему на спину. Гора, здоровенный же человечище, лишь качнулся вперед и слегка достал руками пол. Но ничего, не вышел из себя. Лишь сказал:

— Разминайся подальше, хлюпик.

Глянул я искоса на тренера, а тренер тоже искоса за мной наблюдает: заметил, значит, мои наскоки.

Отдышался я и опять слежу за человеком-горой, удобного момента дожидаюсь. Наконец дождался: Гора одну ногу поставил на скамейку, другую оттопырил как можно дальше и старается пол через скамейку достать. Лучшего и не придумаешь. Разбежался я, со всего маху обхватил оттопыренную ногу и помчался с ней в сторону. От неожиданности человек-гора загрохотал наземь. Ну и рассвирепел он! Схватил меня, как щенка, и запустил в дальний угол. А сам набычился и кулаком мне погрозил: рассердился, значит.

Тут тренер манит меня пальцем. Подхожу, потираю ссадину на локте.

— Зеленки дать? — спрашивает тренер.

— На что она? Мы люди привычные,— отвечаю.

— Вдруг инфекция попалась.

— Я противоинфекционный.

— Шустёр на язык,— говорит тренер.— Ты, парень, не в свою весовую категорию лезешь. Чего ты к Дробышеву привязался? Найди себе, кто пощуплее, и разминайся с ним.

— Тяжело в учении, легко в бою,— говорю.

Отошел и вижу, что теперь тренер глаз с меня не спускает. «Ну,— думаю,— заглотал живца». А Гора уже кончил упражнения делать, перешел к бегу. Пробегает мимо меня, а я возьми да сковырнись ему под ноги. Гора так и растянулся чуть ли не поперек всего зала. Вскочил, трясется весь.

— Ты что ко мне лезешь? — кричит, а сам мне руки-ноги выворачивает, как кузнечику, мутузит кулаками. Еле отбили. Упал я на ковер, едва лапками шевелю, а Гора все сердится, все наскакивает.

— Это псих! — кричит.— Его надо изолировать!

Теперь Гора принял все меры предосторожности, и мне ни разу не удалось застать его врасплох. Я просто бежал на Гору трусцой, выставив вперед кулаки. Гора хватал меня за шкирку и кидал в дальний угол. Я вставал, отряхивался от угловой пыли и снова бежал, выставив кулаки. И так раз десять, пока тренер действительно не изолировал меня, посадив на скамейку.

К концу разминки пришел другой тренер, весь в черном: черные брюки, черная рубашка, черные тапочки и черный ремешок от часов. Я в жизни не видел такого черного человека. Вдвоем с белым они склонились над тетрадкой и принялись шептаться и щелкать секундомерами. Потом подняли головы и уставились на меня. Я понял, что разговор идет обо мне, и навострил уши, но слышимость была слабая из-за хруста костей и уханья разминавшегося рядом Горы. Я лишь расслышал два слова: «Страшно моторный».

В общем, меня приняли в секцию борьбы. Через три года я стал чемпионом Европы. Та девушка — моя жена. Человек-гора, мой закадычный друг Вася Дробышев, был шафером на свадьбе.

Сатира в бою

ПАРТИЗАНСКАЯ ДУБИНКА

В партизанских соединениях, действовавших на оккупированных фашистскими войсками советских территориях, подчас в глубоком вражеском тылу, выходили в свет свои газеты, боевые листовки, сатирические листки. «Партизанская дубинка» — один из таких сатирических листков, издавался он регулярно в виде приложения к газете «За свободную Белоруссию».

«Дубинка» эта беспощадно дубасила оккупантов и их приспешников, держала в страхе карателей из зондеркоманд. Мы публикуем некоторые материалы, в свое время напечатанные в этом боевом сатирическом листке, а также в других изданиях партизанского края.

ПАРТИЗАНСКИЕ ЧАСТУШКИ

Ах вы, елочки-сосеночки,
Березки белые.
Записались в партизаны
Ребятишки смелые.

Партизанка моя мать,
И отец мой партизан,
И сама я партизанка,
На боку ношу наган.

Как у нашей Дуни ленты
Яркие да модные,
Не из шелка и атласа —
Ленты пулеметные.

долг платежом красен

Днем фашист сказал крестьянам:
«Шапку с головы долой!»

Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ, Окно ТАСС. 1942 г.

Михась ЛЫНЬКОВ

ТРОЙКА ЗА ТРОЙКОЙ

Тройка за тройкой — десять упряжек — неслись по дороге. Все там гремело, пело, гудело. Заливались гармошки, скрипки. Развевались в конских гривах цветные ленты, парусом надувались вышитые сорочки, пестрели расшитые полотенца сватов и дружков.

Дед Архип управлял передней тройкой. Жмурясь на солнце, он изредка поглядывал на невесту, сидевшую за его спиной. Невеста была как невеста: в белоснежной фате, с венком на голове, с букетиком восковых цветов на груди. Сидела прямо, крепко держась за сиденье на крутых поворотах, и часто подмигивала деду густо подведенными ресницами. Дед яростно сопел и, косясь на необычайно пышную невестину грудь, яростно сплевывал.

— Эх ты, лихо комариное, не соблюли пропорцию... Такою грудью бобы молотить...

Весь свадебный кортеж мчался в грохоте, в пыли, заливаясь колокольцами, залихватскими песнями, гармошкой. Гитлеровский часовой растерянно метнулся в сторону, никак не соображая, что же ему делать в этом никакими инструкциями не предусмотренном случае.

Уже въезжали в село. Высыпавшие из многих дворов дети бежали следом, крича на все голоса:

— Свадьба едет! Свадьба, свадьба!

Выбегали бабы, девчата. Выходили из ворот оккупанты и, провожая взглядом веселый кортеж, подмигивали друг другу:

— Русс женится...

Услыхав веселый трезвон, вышли на улицу и несколько офицеров из штаба.

Передняя тройка на всем скаку круто развернулась и как вкопанная остановилась возле церкви, прямо напротив штаба. Привстав на передке, дед гаркнул во всю глотку:

— Музыканты! Свадебный марш!

И удивительное дело: будто нарочно вопреки команде разом умолкли гармошки, только переливались еще колокольцы на нескольких ройках, которые почему-то кинулись в боковую улицу, на огороды. Наступившую на мгновение тишину внезапно прорезала густая, басовитая дробь пулемета. Пулемет, захлебываясь, бил с передней тройки, прямо из-под сиденья невесты. И тут же рванули воздух гулкие, тяжелые взрывы — несколько метко брошенных гранат разнесли, разворотили стены и крышу штабного дома. Одновременно ввязались в дело автоматы, винтовки...

Что-то несусветное поднялось на улице. Бегом во всю мочь мчались бабы и девушки подальше от этой страшной свадьбы, детишки, как воробьи, кинулись кто куда по дворам и подворотням...

Роняя винтовки, на бегу освобождаясь от мундиров, удирали огородами фашисты. Но уйти никому из них не удалось.

А возле штаба уцелевший из группы офицеров подполковник кинулся было бежать по улице. Заметив это, невеста вдруг проявила необычайную прыть. В мгновение ока спрыгнула с повозки и, забыв о всякой пристойности, высоко задрала свое подвенечное платье — из-под него видны были добротные галифе и довольно крупные сапоги,— коршуном бросилась вслед за офицером. Миг, другой — и вот она уже вцепилась в беглеца...

Что тут было! Дед Архип даже глаза зажмурил от страха за невестин наряд. Ее фата изорвалась, сбился набок венок. Одна грудь неожиданно оторвалась и шлепнулась в придорожную пыль, за ней упала и вторая. Дед крякнул:

— Господи боже, вся краса девичья пропадает! Говорил же черту этому, чтобы привязал покрепче...— И, передав кому-то лошадей, кинулся на помощь невесте. Но та уже вела навстречу подполковника, крепко скрутив ему руки.

Бой давно кончился. Сортировали по тройкам пленных, грузили захваченные трофеи, оружие. Пленного подполковника дед отослал на самую последнюю тройку, чтобы, как он выразился, не портить свадебную музыку.

Тем временем невеста успела полностью разоблачиться, сдать деду подвенечный наряд. Старик растерянно поглядел на жалкие остатки свадебного убранства—платье было разодрано, одного рукава не оказалось вовсе — и, решительно отодвинув все это, с отчаянием сказал «невесте»:

— Так что ты уж сам, Данила, отдашь это моей старухе. Не я надевал, не я рвал. Поди поговори теперь с ней, попробуй. Это тебе не с оккупантами жениться...— И, горестно вздохнув, взялся за вожжи.

— По коням! — скомандовал Данила, командир партизанский.

Перевел с белорусского
О. ЯНОВ.

Александр *ТВАРДОВСКИЙ*

Сморчки

Доложили Даниле
На походе чуть свет:
По тропе за отрядом
Немец движется вслед.
Зная вражью повадку
Выходить, так гуртом,
Дед спросил для порядку,
Сколько немца числом.
Внук Даннлы —
разведчик,—
Взяв к ноге карабин,
Отвечает по форме:
— Немец счетом один.
И тогда дед Данила
Молвит хлопцам своим:
— Не во вред бы нам было
Взять фашиста живым.
И велит им без шума
Захватить «языка»,
В крайнем случае разве
Двинуть в душу слегка.
— Все понятно? — Понятно.
Хлопцы с места — в обход.
Скоро ль будут обратно?
Дед кисет достает...
Только трубку наладил,
Да кресало, да трут,
Глядь, спокойно
и чинно
Хлопцы немца ведут.
Руку правую —кверху,
Левой — держит штаны:
До того, на поверку,
Отощал до весны!
До того неопрятен,
Непригляден и худ!
И одно повторяет,
Что «капут» да «капут».
Но забава забавой,
А с того «языка»
Речи столько же здравой,
Что с козла молока.
Отмахнулся Данила:
— Погоди-ка ты, шут,
Это знали мы раньше,
Что придет вам капут.
А скажи-ка иное,
Да всю правду,
как есть.
За какою нуждою
Очутился ты здесь?
Немец деду подробно
Объясняет так-сяк,
Где словечко подыщет,
Где придумает знак,—
Словом, сам неповинен,
Проклинает войну
И желал бы отныне
Поместиться в плену.
Покосился Данила:
— Ох ты, сукин ты сын,
Так вот я и поверил,
Что в лесу ты один!..
Немец вдруг улыбнулся,
Головой закивал
И на пальцах
двенадцать —
Пять и семь — показал.
И ручищи покорно
Он скрестил на груди...
— Ну-ка, хлопцы, проворно!
Ну-ка, немец, веди...
Врассыпную за дедом
Поспевает отряд.
Наготове оружье,
Зорок глаз у ребят.
Не успел провожатый
Указать поворот,
Как рванулись ребята
Прямо к месту — вперед.
Невдали от тропинки,
На полянке лесной,
Кучкой немцы сидели,
Как грибы под сосной.
Видно, солнце пригрело,
Видно, зуд нестерпим:
Занимаются делом
Вошебойным своим.
Чуть завидели наших,
Автоматы кладут,
И у всех наготове
Тот же лозунг:
«Капут!»
Дед считает: двенадцать —
С бору с сосенки сброд:
— В плен собрались
сдаваться,
Ждете, плен к вам придет?
А не много ли чести
Вас искать по кустам?
Воевали на фронте —
В плен просились бы
там...
Тут один колченогий
К деду руки простер:
— Мы еще по дороге...
— Ну, другой разговор.
Словом, нынешний воин —
Сопляки, старички.
— Что ж, в колонну
по двое
Стройся живо, сморчки!

Он привык во всех гостиных
Полонять берлинских дам.

А коснулося Марины —
Тотчас в плен попался сам.

Максим ТАНК

НЕОБЫЧНЫЙ ОТЧЕТ

Случилось это в селе Н., находившемся неподалеку от расположения гитлеровского гарнизона. Село это оккупанты считали «своей зоной», и почти каждый день туда приезжали эсэсовцы. За этой зоной почти на двадцать километров лежала земля, где на дорогах то и дело встречались надписи: «Осторожно! Заражена партизанами!» Скорее всего это была ничья земля: большинство сел было выжжено фашистами, и сюда редко кто заглядывал. Далее лежали озера Вилейщины, леса и болота, где действовали партизаны под командованием Федора Рыгоровича, за голову которого немцы уже несколько раз объявляли награду.

Однажды поутру крестьяне села Н. заметили на дороге подводу. Пара гнедых лошадок тащила какую-то допотопную, уныло дребезжащую колымажку, в которой некогда разъезжали помещичьи экономы и другие их прислужники. На телеге сидели трое в немецких мундирах. Крестьяне, все время наблюдавшие за подводой, молча стали расходиться по хатам. Один только староста да несколько полицейских остались на улице, чтобы приветствовать гостей.

— Гутен таг панам! — отвесил им низкий поклон староста.

Один из прибывших, в чине немецкого полковника, буркнул что-то одному из своих подчиненных, и тот начал на ломаном белорусском языке объяснять старосте: мол, господин полковник очень рад, что в этом селе его встречают представители нового порядка и что он, пока отдохнут лошади, хотел бы поговорить с крестьянами.

— Ну, скорей, скорей собирайтесь! — подгонял жителей староста.— Господин полковник приказал, чтобы через десять минут все были на месте. А для того, кто опоздает, шомполов не пожалеет.

Человек, которого староста назвал полковником, тем временем молча прохаживался возле дома старосты. Два его автоматчика, предварительно подбросив сена лошадям, стояли на улице. Народу собралось много.

— Почти все пришли. Только двух хозяев нет, они еще с обоза не вернулись,— доложил староста.

— Гут,— ответил немец, который, видать, и без переводчика понимал белорусский язык. Он поднялся на высокий балкон, чтобы всех мог видеть, снял фуражку, и тут произошло то, чего ни староста, ни крестьяне — никто не мог ожидать.

— Ну, что ж, не узнаете меня, соседи? — спросил он по-белорусски.— Я приехал к вам как депутат Верховного Совета, которого вы в свое время выбрали от своего округа, приехал, чтобы дать вам отчет о своей работе.

Отовсюду послышались радостные возгласы:

— Так это ж Федор Рыгорович!

— Наш депутат!

И сотни рук приветственно потянулись к своему депутату.

Только поздно вечером Федор Рыгорович выехал из села. Он возвращался в свой отряд в большой компании. Следом за его тележкой дребезжала бричка старосты. Сам староста и еще какой-то зондерфюрер, случайно очутившийся в селе и которого крестьяне захватили в плен, ехали со связанными руками. А по обочинам лесной дороги, ведущей в партизанский лагерь, шло новое пополнение — человек двадцать молодых хлопцев, вступивших в тот день в один из партизанских отрядов, которым командовал их депутат Федор Рыгорович.

Перевел с белорусского
Ян ОСТРОВСКИЙ.

Партизан: — Вот задача... Не знаю, что мне с вами делать. Сначала закурить, а потом вас в плен брать, или взять в плен, а потом закурить?

— Стой, не стреляй! Это же свой человек — известный грабитель. Из него получится надежный бургомистр.

Фриц: — Выходит, наши головы оценены по рублю за штуку.
Ганс: — Как так?
Фриц:— А так. Партизан Данила вчера уничтожил как раз триста наших солдат.

Анатоль АСТРЕЙКО

мое жилье

В гуще леса, на полянке,
Партизанский лагерь наш.
Многим по сердцу землянки,
Лично я люблю шалаш.

Я отстроился неплохо:
Пирамидой — семь колов,
Сверху слой лозы
и моха,—
Партизанский дом готов!

Меблировка в нем отменна:
Подобрал жердинок пять,
А на них охапку сена,
Чтоб не жестко было спать.

Все идет по распорядку.
Если дождь мешает сну,
Я над ложем плащ-палатку
Балдахином растяну.

Отдых дам и автомату,—
Завтра ж нам фашистов бить!..
Вот добьем — шалаш на хату
Обменяю, так и быть.

Перевел с белорусского
В. Корчагин.

Г. МАРЧИК, специальный корреспондент Крокодила

НЕКРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Дул ветер. Море штормило. Над городом плыли сизые тучи с рваными краями. На вершинах голых платанов горланило воронье. В самый канун нового, 1975 года всю мыслящую Ялту взбудоражило необычайное происшествие—исчез Леонид Антонович К., широко известный в городе человек.

Был создан штаб по спасению Л. А. К.

В горы вышли группы спасателей. Море бороздили быстроходные катера. Окрестности прочесывали добровольные патрули. Была поставлена на ноги вся милиция, а также местные отделения спасания на водах, пожарников, охотников, рыболовов и охраны природы. Увы, все оказалось тщетным.

— Нигде нету! — наконец доложили они начальнику штаба.

— Точно нету? Вы уверены в этом? — озабоченно переспросил он.

— Так точно! — ответили искатели.— Уверены как сами в себе.

— Ну и слава богу! — облегченно вздохнул начальник штаба и вытер лоб белоснежным носовым платком.— А теперь идите, идите... Занимайтесь своими делами.

Когда все удалились из просторного кабинета, он негромко молвил, как бы раздумывая вслух: «Исчез, и хорошо. Все равно ему не дали бы здесь спокойно работать и жить. Да и нам одни неприятности...»

Красавица Ялта вновь зажила своей обычной жизнью. Утром из-за горизонта выкатился раскаленный желток солнца. Празднично заискрились присыпанные снежком вершины окрестных гор, нестерпимо заблестели тысячи гребешков синего моря.

Мимо вечнозеленых кипарисов и лавров степенно шли на процедуры отдыхающие базового санатория имени Куйбышева. И никому из них не было никакого дела до того, что исчез Леонид Антонович К., еще вчера возглавлявший этот самый санаторий.

Признаемся сразу в маленьком преувеличении. Поисковых групп не было, штаба тоже не было. Но Л. А. действительно спасали. Впрочем, все по порядку.

ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ...

Она, как и грипп, не милует ни министров, ни поэтов. Пал ее жертвой и Л. А., главный врач санатория имени Куйбышева. До роковой встречи с ней стремительно вверх взмывала кривая его карьеры: врач «Артека», инструктор Ялтинского горкома, главный врач крупного санатория.

С энтузиазмом молодости и самоуверенностью удачливого полководца взялся он за работу. На сотрудников посыпались взыскания. Но дела санатория почему-то не улучшались. Напротив — покатились вниз и дисциплина, и культура обслуживания отдыхающих, и хозяйственные показатели, ухудшилась и работа пищеблока.

Любовь явилась в образе нового секретаря — невысокой двадцатипятилетней женщины с круглым лицом, чуть вздернутым носом, прямым, уверенным взглядом карих глаз. Вначале все было чинно и пристойно, и отношения между шефом и его секретарем складывались так же, как и у тысяч других начальников и подчиненных,— деловые и корректные. Таня Б. отвечала на звонки, выслушивала посетителей, печатала приказы, подшивала бумаги. Все было хорошо до той самой минуты, когда однажды в октябре 1972 года Л. А. чуть пристальней вгляделся в миловидное лицо секретаря и сердце его дрогнуло в неподдельном радостном испуге: «Это она, желанная!» Как ни боролся Л. А. с нахлынувшим чувством, устоять ему не удалось.

«Причиной наших отношений явилась обоюдная симпатия и естественная реакция: понимание друг друга в психологическом отношении, обоюдное содействие в работе. Большую часть суток мы находились вместе. Я почувствовала, что Л. А. очень сильный товарищ (в моральном отношении), правдивый и очень честный. Все это неосознанно подвело к близким отношениям». (Из письма Татьяны Б.)

Первой жертвой большой любви Шефа пал муж Тани — Юра, работавший в том же санатории электриком. По простоте душевной он не понимал, какое всепоглощающее чувство овладело сердцем Л. А., обижался, скандалил и всячески мешал влюбленным. Посыпались один за другим «обоснованные» выговоры, и Юра был изгнан из санатория и одновременно из сердца Тани. Молодая семья на глазах всех разломалась, как в шторм ломается и идет ко дну корабль.

Ничто теперь не мешало влюбленным.

Таня смело входила в кабинет своего Шефа, их взгляды встречались, и между ними словно бы пробегал электрический ток.

«Я настолько увлеклась и полюбила Л. А., что отказалась от всего земного. На протяжении двух лет сижу и жду «сигнала», когда тов. К. сможет выехать со мной за пределы Ялты или в лес на свидание, подальше от жены, детей и общественности». (Из письма Татьяны Б.)

Говорят, слишком пылкая любовь между начальником и подчиненным мешает работе. Какая чепуха!

Л. А. решил любой ценой вывести санаторий в число самых лучших. И ради этой благородной цели не гнушался никакими средствами. Раздавал путевки нужным людям, что-то списывал, что-то приписывал...

Скажем прямо — любовь здесь была ни при чем. Разве она заставила Л. А. незаконным образом реализовать всего за один год десятки путевок? Или использовать для покрытия допущенных перерасходов средства застройщиков специального назначения? И получать денежные премии?

Секретарь стала сильной личностью. Даже ближайших сотрудников и тех без доклада не пускала в кабинет Шефа. Покрикивала на них. Что уж говорить о прочем персонале! Ей улыбались, перед ней заискивали. Во время самых серьезных бесед она стояла за спиной главного врача. Со снисходительной улыбкой он кивал посетителю: «Таня не помешает. Она свой человек».

Были, конечно, и неудобства. Мало ли вокруг людей, которые хотели превратно истолковать их отношения, опошлить, отравить ядом злопыхательства: дескать, а как же всякие там нормы и правила, принятые в нашем обществе?!

Вот и приходилось таиться, прибегать к разным недостойным уловкам — записочкам, условным телефонным звонкам, полотенцам, вывешенным в окне.

— Ты единственный надежный помощник! — говорил Шеф за дружеской трапезой в своем кабинете секретарю.— Ты моя единственная отрада.

— А жена? Дети?

— Что жена?! Жена это так. Привычка. С женой меня связывают только дети.

— А со мной?

— С тобой другое.

— А если бы на моем месте оказалась другая?

— Гм! Другая?! Нет, другую я бы не полюбил,— подумав, уверенно заявил Л. А.

— Все уже знают о наших близких отношениях. Ты не боишься молвы? Люди говорят...

— Я чистый, честный человек,— раздраженно перебил ее Шеф.— На голову выше их всех. Они просто завидуют мне. Придумали новый метод морально убивать — каждый может писать, жаловаться, кляузничать. А мы с тобой всех перехитрим. Я поведу тебя и жену в ресторан — пусть они увидят нас вместе и подавятся собственными языками.

В ресторане Л. А. разлил в хрустальные бокалы шампанское и торжественно провозгласил: «За дружбу и взаимопонимание!»

Таня улыбалась как победительница международного турнира фигуристок. Жена Л. А. поставила на место свой бокал и, повернувшись к ней, сказала:

— А знаете что, хватит ломать эту комедию. Забирайте-ка вы его себе. Довольно с меня, что я кормлю и обстирываю двоих детей...

Таня мучительно покраснела и поспешно выскочила из-за стола...

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ...

Л. А. гнал посетителей в двери, они лезли в окно. Не успевал он заткнуть одну брешь в хозяйстве, как появлялась другая. Приходилось идти на некоторые комбинации.

«До чего придирчивыми стали люди,— думалось иногда Л. А.— Готовы тыкать в глаза даже денежной премией. Не признают руководящего авторитета, до хрипоты спорят при распределении жилья, критикуют в глаза и за глаза. Вот-де больше двухсот человек ушло. Ну и что? Сами попробовали бы работать с таким контингентом. Только и знают, что суют свой нос в чужие дела...»

Одна была отрада — махнуть с милым Таненком в отпуск, или на служебной машине куда-нибудь на лоно природы, или в Симферополь, чтобы отвести душу...

Однако пусть не спешат чувствительные люди: «Какая глубокая красивая Любовь!» Глубина ее оказалась под стать глубине дождевой лужи, а красота — сродни разве что мухомору.

Очередной выговор курортного Совета за служебные грехи заставил Л. А. крепко задуматься. Таня все чаще заставала своего Шефа в позе роденовского мыслителя. Все чаще приходили на ум главному врачу разные мрачные мысли. И вот однажды внутренний голос отчетливо сказал ему: «Шабаш! Хватит!»

— А как же я? — спросила любимый секретарь.

— Ты уйдешь по собственному желанию,— твердо ответил Л. А.— Время сгладит горечь разлуки. Ты найдешь другого начальника и полюбишь его. Он обеспечит тебя и работой и комнатой.

— По собственному я не уйду,— сказала женщина.— Я согласна расстаться. С тобой. Но не с комнатой и санаторием.

— Поживем — увидим,—многозначительно сказал Л. А.

С этого рокового разговора и началось раздвоение цельной натуры главного врача. Днем недрогнувшей рукой он писал выговор своему секретарю, а вечером бежал к ней на свидание.

Никто не знал и не ведал, как ему трудно, как он переживает, мучается, страдает. Он не находил себе места, плохо спал, потерял аппетит... Мучительные, горькие раздумья не покидали Л. А.: «Какой она все-таки эгоистичный человек, почему не понимает, что губит мою карьеру».

За первым выговором последовал второй...

Но эта упрямица не сдавалась.

И вот 6 мая 1974 года готов проект нового приказа.

Главный врач небрежно протянул его Тане: «Напечатай». Она вложила чистый лист бумаги в каретку пишущей машинки и начала печатать: «За уход с работы 26 апреля на 30 минут раньше объявить Татьяне Б. строгий выговор...»

— Ой, да ведь в этот день ты сам назначил мне свидание! В Симферополе! — вскрикнула секретарь.

— Ах, да! — вспомнил Л. А. и нахмурился.

Спустя день или два он скоропалительно отбыл в отпуск. Перед уходом нежно заглянул Тане в глаза, чмокнул в щеку.

— Я не перенесу этой разлуки,— скорбно сказал он, опуская взгляд.— Что бы ни случилось, помни: мое сердце всегда с тобой.

Едва растаял в воздухе свисток локомотива, Таня получила первое письмо: «Таненок! Вот и начался мой очередной отпуск. Скучаю. Как у тебя дела, малыш?».

В этот же день молодую женщину вызвали и. о. главного врача, секретарь парторганизации и предместкома.

В самом обобщенном виде эту беседу можно передать так:

— Пишите заявление по собственному желанию... Лучше будет...

— Не буду...

Второе письмо от главного врача и возлюбленного не заставило себя ждать. В нем были строки:

«Искренне скучаю по тебе, не знаю, передают ли об этом флюиды, но это перерастает подчас просто в серую тоску. Таненок, письма не держи в столе и в сумке, а то кто-то их прочтет. Следи за этим. Целую и обнимаю тебя, милый малыш, очень крепко, крепко».

В этот же самый день, 13 июня 1974 года, в санатории был обнародован приказ № 117. В нем были строки: «Тов. Б. от занимаемой должности с 14 июня отстранить и перевести на должность уборщицы...

И. о. гл. врача Тимофеев».

Очевидно, флюиды что-то все-таки сообщили Л. А., так как в очередном его письме говорилось: «Таненок! Желаю, чтобы огорчения и беды твои были коротки, как летние ночи, теплыми и мимолетными, а счастье и радость большими и солнечными, как летние дни над морем. Целую крепко. Л.

P. S. Если в воскресенье, 23 июня, ты будешь дома, то приходи, как обычно, на наше место. О том, что ты придешь, дай знак в окне — повесь яркое полотенце».

В этот же день по базовому санаторию был объявлен приказ № 120: «Распоряжением от 13. VI. уборщица столовой тов. Б. переведена санитаркой в лечебный корпус... за невыполнение распоряжения администрации и прогулы тов. Б. объявить строгий выговор. И. о. гл. врача.».

Потом поступали своим чередом новые письма от Л. А. и подписывались новые приказы.

Одна была надежда, что вот приедет он и положит всему конец.

Л. А. приехал и сделал квадратные глаза: «Как? Ты все еще сидишь в приемной? Разве тебя не перевели в уборщицы?»

И тогда пришло прозрение. 27 июня Татьяна отправила письмо в Киев: «Я не прошу возвращать мне любимого человека. Нет. Меня заставило написать это простое человеческое возмущение: почему руководителю большого коллектива, гражданину дозволено ради личных прихотей, причем расчетливых прихотей, унижать, издеваться над чистыми чувствами, лишать меня работы и жилья? Какое он имеет на это моральное право? Неужели я вещь, которую беспрепятственно можно выбросить, когда она не нужна?»

ДОН ЖУАН, ГДЕ ТЫ!

В июле из Симферополя прибыла высокая комиссия. Стала проверять факты. А факты, как известно нынче даже в яслях, упрямая вещь. Они подтверждались.

Назревало возмездие. Л. А. вызвал своего секретаря в лес, стал перед ней на колени. На пробегавшего мимо муравья упала большая жгучая слеза. «Я люблю тебя,— взывал Л. А., в отчаянии заламывая руки.— Не губи. Напиши, что ты пошутила, что мы с тобой всегда были просто друзьями и товарищами по работе... А не сделаешь этого, пеняй на себя. Мои друзья выгонят тебя с работы и выселят из города как тунеядку».

23 августа бюро Ялтинского горкома при закрытых дверях (даже парторга санатория не пригласили) объявило Л. А. К. строгое партийное взыскание. С работы его не сняли. Приняли к сведению, что он подал заявление об уходе по собственному желанию.

В текучке будней как-то позабыли, правда, сообщить о принятом решении коммунистам санатория.

— А к чему лишний шум? — сказали нам в ялтинском горкоме.— Не видим в этой истории ничего криминального. Нужные меры уже приняты. Мы о них доложили. Что еще? Или вы считаете наказание недостаточным?

Действительно, ничего криминального в этой истории нет. Не будем ханжами: никто не застрахован ни от беды, ни от нежданной любви. Чего не бывает в жизни. Хотя и в этом случае не мешает достойно вести себя.

Поучительно другое. Молодой руководитель, назначенный на высокий пост, с первых же шагов повел себя так, словно бы ему вверили санаторий в личное пользование. Он полагал, что персональный кабинет выделен ему для свиданий, персональный автомобиль—для увеселительных прогулок, столовая, чтобы оттуда носили персональные обеды, технический секретарь — для любовных похождений. Это психология собственника, которому все дозволено... И, наверное, не случайно так тесно переплелись между собой грубые служебные и моральные ошибки подававшего надежды специалиста.

По городу полз шепоток: «покрывают», «выгораживают», «спасают от обсуждения в коллективе»... В Киев и Москву вновь полетели письма...

10 сентября коллегия Ялтинского территориального совета по управлению курортом во изменение своего предыдущего решения от 30 июля об освобождении Л. А. К. по собственному желанию постановила: «За грубейшие нарушения финансово-хозяйственной деятельности и аморальное поведение освободить тов. К. от обязанностей главного врача».

А в это время Татьяна Б. продолжала вести упорную позиционную борьбу за свое «место под солнцем». Ее то и дело вызывали в милицию, в курортный Совет, предлагали писать объяснения, заявления об уходе.

Однажды вечером, в самый канун нового, 1975 года в ее комнату позвонили. Таня открыла дверь. За порогом в плаще с поднятым воротником стоял Л. А. Ни слова не говоря, он двинул кулаком свою бывшую сотрудницу и возлюбленную, круто повернулся и решительно зашагал прочь. В эту же ночь он тихо исчез из города. Спасателей, как вы уже знаете, читатель, не снаряжали. В этом не было необходимости. Персональное дело закрыли без шума и огласки и даже без участия первичной партийной организации.

Вечером по набережной прогуливались толпы отдыхающих и горожан. В концертном кафе «Ницца» давали цыганское шоу. В ресторане гостиницы «Ореанда» гремела веселая свадьба.

«Красивый парень жених. И человек какой хороший. Это да,— судачили кумушки.— А Дон Жуан нынче не тот пошел. Измельчал. Вот раньше бывало что, ручку целовал, цветы преподносил, красиво ухаживал, одним словом... А сейчас — кулаком в зубы. Срамота...»

— С проводами у нас туго, а вот столбов сколько угодно.

Рисунок А. КРЫЛОВА

Вильнюсское издательство «Вага» выпустило в свет книгу юморесок и гротесков литовского литератора Витауста МИСЯВИЧУСА.

В библиотечке эстонского сатирического журнала «Пиккер» вышел сборник фельетонов Харри ЛЕХИСТЕ «Через замочную скважину».

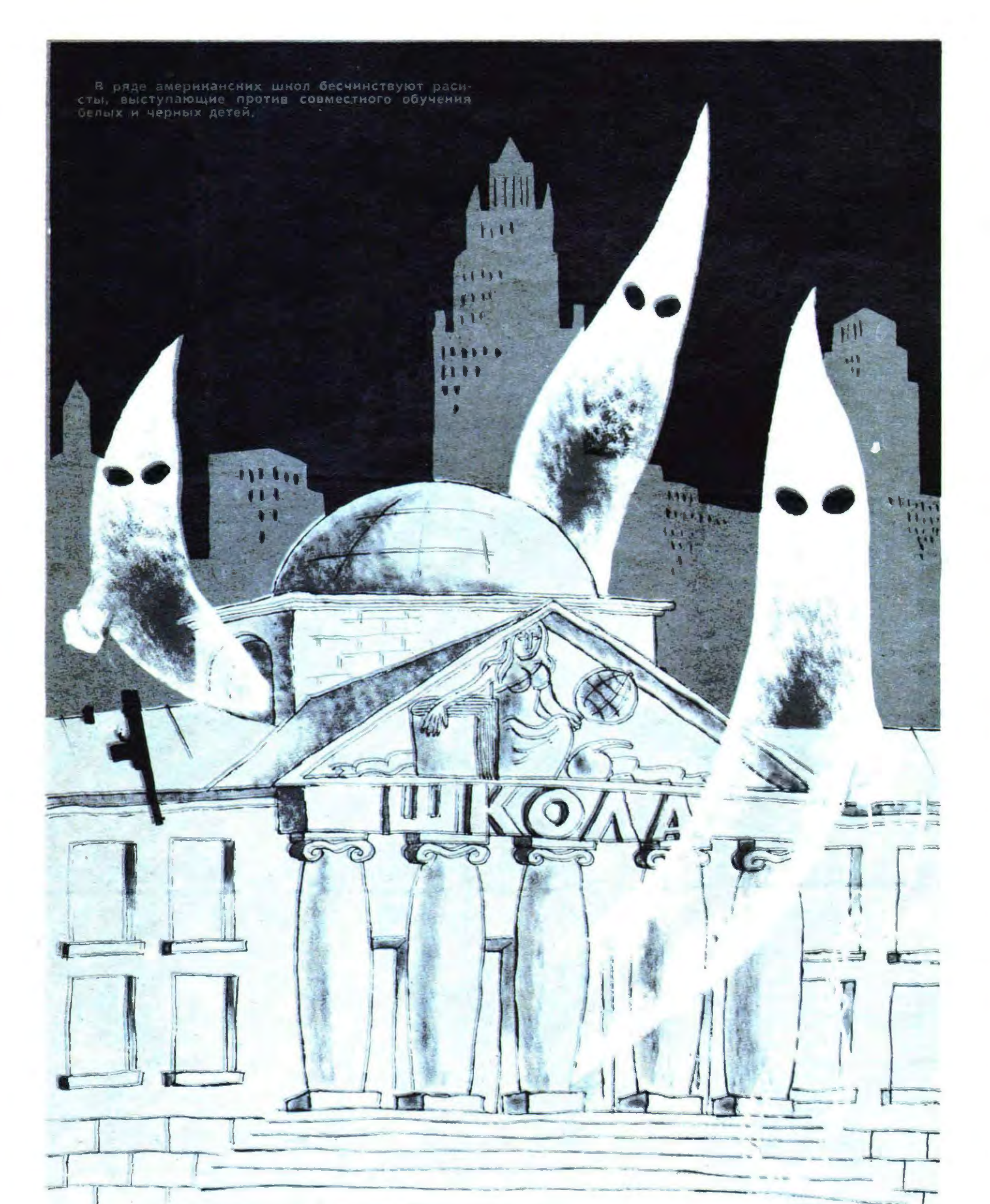
«А дальше не скажу...» — так интригующе назвал свою книжку сатирических рассказов Умбетбай УАЙДИН. Издана она в Алма-Ате в издательстве «Жазушы».

«Скрытая камера» — такое название дали сборнику рассказов, басен и пародий семь молодых сатириков: А. ГЕРАСИМЕНКО, А. ДАВИДОВИЧ, В. ИВАНОВ, В. КОТЕНКО, В. САННИКОВ, Б. СЕМЕНОВ, А. СМИРНОВ. А Центрально-Черноземное книжное издательство этот сборник выпустило в свет.

ИМЕНИ К. С. ЕРЕМЕЕВА

Чего скрывать: не слишком-то часто улицы называют именами сатириков и юмористов. Тем отраднее узнать, что в Воронеже одну из них назвали улицей имени К. С. Еремеева.

Имя первого редактора «Крокодила» появится на памятной табличке потому, что в огневом девятнадцатом году он, уполномоченный ЦК РКП(б) и ВЦИК, организовывал оборону старинного русского города от белогвардейцев, возглавлял Военный Совет Воронежского укрепленного района.

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ

Рисунок Е. ГУРОВА

РОТТЕРДАМ. Община реформатской церкви в местечке Ниув-Бейерланд исключила из своих рядов более 20 прихожан за то, что они пользовались телевизором, который синод этой церкви заклеймил как наваждение дьявола.

ЛОНДОН. «Королевскому Обществу метафизических исследований» в Лондоне удалось, наконец, установить, что число привидений в Англии в военное время быстро сокращается, тогда как в мирное время оно быстро возрастает. Опровержения не последовало: ученым недосуг заниматься этой проблемой, а сами привидения, как обычно, отмалчиваются.

ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ. «Генерал Пиночет производит впечатление патриархально - благосклонного человека, и его лицо сохраняет выражение дружелюбия и добродушия, даже когда он говорит о столь досадных делах, как казни и ночная охота на людей»,— свидетельствует корреспондент западногерманской «Франкфуртер альгемайне цайтунг». Однако, памятуя итоги Нюрнбергского процесса, фюреру чилийской хунты следовало бы помнить, что мягкое выражение лица не является смягчающим вину обстоятельством.

АТЛАНТА. «Да здравствует экономический кризис!» — воскликнули заключенные в тюрьме штата Джорджия (США), узнав, что губернатор Джим Кэртер распорядился ускорить их досрочное освобождение в связи с необходимостью обеспечить место для новых постояльцев. По словам журнала «Тайм», в условиях экономического кризиса уголовная преступность в США возросла на 25 процентов.

ПАРИЖ. Как известно, недавно в Лионе состоялось совещание фашистского движения «Новый европейский порядок». Присутствовали 80 представителей от неофашистских банд ряда стран Западной Европы. Один из делегатов поспешил успокоить корреспондента агентства Франс Пресс. «Наше движение,— сказал он,— преследует главным образом цели культурного порядка: оборона Запада, защита того, что еще нам остается. Во всем этом нет ничего политического. Речь идет главным образом о «школе кадров», которые по возвращении в свои страны будут распространять наши идеи».

Нетрудно догадаться, какие идеи будут распространять «культурные кадры» в коричневых рубашках.

Н. МОНАХОВ

ПРАВДА НА ВИСЕЛИЦЕ

Баварскому продюсеру Зигфриду Трихтеру захотелось попотчевать телезрителей чем-нибудь остреньким. Как известно, на телекухне самым острым блюдом считается детектив. Традиционные для этого блюда специи: ночь, крадущиеся тени, сдавленный крик, выстрел во мраке, неопознанный труп, бокал с отравленным вином, ампула с ядом — как все это вкусно...

Вкусно-то вкусно, но Зигфриду Трихтеру этого было мало. Он знал, что телезрители с особым аппетитом поглощают документальные детективы. Продюсер порылся в своей памяти и вспомнил вторую мировую войну. Это ему понравилось. Хотя прошли десятилетия, не иссякает жажда людей узнать как можно больше о борцах против фашизма. Роясь в этом углу своей памяти, Зигфрид Трихтер обнаружил «Красную капеллу», о которой кое-что когда-то читал.

Так гестапо окрестило подпольную организацию мужественных борцов против гитлеризма, действовавшую в нацистской Германии. «Красная капелла» была проклятием фашизма. Сам Гитлер, заходясь в крике, дубасил кулаком по столу и брызгал слюной в физиономию Гиммлера, требуя обезвредить «Красную капеллу». Хотя в отличие от истеричного фюрера рейха у рейхсфюрера СС был темперамент слизняка, он тоже, заходясь в крике, дубасил кулаком по столу и брызгал слюной в физиономии своих подручных, обвиняя их в нерасторопности.

Чтобы испечь фильм на чистом масле исторической правды, Трихтер занялся розысками людей, знавших героев «Красной капеллы». Особенно понравился ему один очевидец. После первой же беседы с ним Зигфрид Трихтер убедился, что очевидцу можно верить, как библии, поскольку в прошлом он был офицером гестапо и собственноручно допрашивал подпольщиков.

— Вы ведь знали очень многих героев «Красной капеллы»,— начал продюсер.

— Яволь, только это были не герои.

— Как?

— Очень просто. Героями их сделала легенда. На самом деле это были жалкие, ничтожные людишки, готовые заложить и продать все и вся: от подержанной рухляди до собственных душ, лишь бы платили.

— Майн гот! — ахнул продюсер.— Но ведь они даже под ужасающими пытками не выдавали своих товарищей. Так ведут себя борцы, а не продажные души.

— Ха-ха! — засмеялся очевидец.— Достаточно было следователю гестапо пригрозить любому из этих, как вы назвали, «борцов» карцером или уменьшением тюремного рациона до одного куска хлеба и кружки воды в день, как из «борца», словно горох, сыпались фамилии, адреса, пароли, явки.

— Вот как! Тогда зачем же их истязали? Ведь хорошо известно, что использовались все виды пыток — от средневекового ломания костей до ультрафиолетовых лучей.

— Вы, я вижу, тоже верите вздорной послевоенной легенде, герр продюсер. Напрасно. Это не их пытали, а они, арестованные, пытали следователей гестапо своими вечными капризами. Среди подследственных нашлись меломаны, которые, видите ли, дня не могли прожить без музыки. Как говорится, чем бы арестованный ни тешился, лишь бы не отмалчивался на допросах. Выдали им несколько патефонов. А когда кое-кто из меломанов нечаянно поранил себе пальцы патефонными иголками, появились легенды об иголках, загоняемых арестованным под ногти. Ну, не свинство ли?

— Доннерветтер,— хлопнул себя по лбу продюсер Зигфрид Трихтер.— Как все, оказывается, просто! Ну, а ультрафиолетовые лучи?

— Чего ради люди жарятся на пляжах, герр продюсер? Ради этих ультрафиолетовых лучей. Врачи гестапо, которые вообще слишком нянчились с тюремными пациентами, прописали некоторым для поправки здоровья облучение. Загорать приятно даже в тюрьме, но многие переусердствовали. Так и на пляже может хватить солнечный удар. А вы говорите, пытки...

У нас нет магнитофонной записи первой беседы продюсера Зигфрида Трихтера с очевидцем, которому можно верить, как библии. Но хорошо известно, что эта беседа вполне удовлетворила продюсера, поскольку бывший гестаповский офицер, чьи руки обагрены кровью десятков жертв, действительно был назначен главным консультантом съемочной группы. Продюсер скрупулезно выполнял его рекомендации.

Поэтому не стоит удивляться, что в многосерийном фильме Баварского телевидения «Красная капелла» гестаповские палачи выведены этакими гуманными интеллектуалами, избегающими не только применения пыток, но любой формы насилия. Зато члены подпольной организации «Красная капелла» выглядят беспринципными ничтожествами и продажными негодяями. Так показаны герои, которые на самом деле были изломаны пытками, но не сломлены, которые смеялись в лицо палачам.

Фильм вызвал бурю возмущения во всех европейских странах, где он демонстрировался. Редакции газет и студии телевидения были засыпаны письмами зрителей, которые называли баварскую телестряпню преступной. Во Франции возмущение было настолько велико, что тамошнее телевидение отменило показ последней серии, в которой создатели фильма возводят гестаповцев на пьедестал лучших сынов немецкой нации.

Пришлось продюсеру Зигфриду Трихтеру выступить с оправданиями.

— Пытки не попали в фильм по той причине,— заявил он,— что есть закон, запрещающий показ насилия по западногерманскому телевидению.

Ах, вот оно что! Остается только пожалеть, что в ФРГ нет закона, запрещающего обливать клеветой героических борцов против гитлеризма.

Старейшему крокодильцу фельетонисту Ефиму Мироновичу ВЕСЕНИНУ — 70 лет

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

«ОТЧЕГО ТОПОР БОЕК?»

На этот вопрос ответил в своем фельетоне под таким заголовком К. Убилава («Крокодил» № 33 за 1974 г.). Оттого, что лесозаготовители рубят лес без разбора, губят чудесные горные уголки Абхазии взрывами при строительстве новых дорог, повреждают деревья трелевочными тракторами и просто захламляют леса порубочными остатками.

И еще на один вопрос (правда, не с такой категоричностью) отвечает в своем фельетоне автор: отчего море Черное? Не оттого ли, что непродуманно и без нужды проложенные в горах дороги со временем превращаются в овраги и ущелья, по которым устремляются к морю бурные ручьи и речки?

Председатель Государственного комитета лесного хозяйства Совета Министров Абхазской АССР тов. В. Хишба сообщил редакции, что фельетон «Отчего топор боек?» обсуждался на совещании директоров лесхозов и специалистов гослескомитета Абхазской АССР. Сохранение лесов Абхазии, сообщает тов. Хишба, имеющих важное курортно-бальнеологическое, водоохранное и почвозащитное значение является главной заботой лесоводов республики. В этой работе имеется много недостатков, и в этом плане критика журнала признана правильной.

Все дело в том, что курортные леса Абхазии имеют не одного хозяина. Основными лесозаготовителями являются Гагрский и Гульрипшский леспромхозы Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности Грузинской ССР, руководители которого подходят к лесу чисто потребительски, стремясь заготовить как можно больше древесины. С ведома Совета Министров Грузии в курортных лесах допускается рубка главного лесного фонда и промышленные заготовки.

Ингурское спецстройуправление Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности (начальник И. Милорава), прокладывая лесовозные дороги, ведет в горах взрывные работы. При этом много деревьев повреждается и усыхает. Упомянутая в фельетоне лесовозная дорога строится в зоне Рицинского заповедника, что вдвойне недопустимо.

И еще одно: трелевка древесины осуществляется с помощью тяжелых гусеничных тракторов, что наносит большой ущерб молодой поросли, разрушает верхний слой почвы и приводит к эрозии и образованию селевых потоков. Десять лет тому назад на горных лесозаготовках применялись воздушно-канатные установки. Теперь их больше не существует.

Тов. Хишба перечисляет и другие недозволенные методы обращения с «зеленым другом» и считает, что леса Абхазии, имеющие неоценимое «оздоровительное, гигиеническое, санитарное и эстетическое свойства», необходимо строжайше беречь.

Что же, с мнением тов. Хишбы нельзя не согласиться. Неясным пока лишь остается одно: разделяет ли точку зрения председателя гослескомитета Абхазии министр лесной и деревообрабатывающей промышленности Грузинской ССР тов. Долидзе? Ведь это его подчиненные так бойко орудуют топором.

— Мама, учитель после разговора с тобой уже выздоровел и опять ставит мне двойки!

Рисунок В. ГАЛЬБА

НАРОЧНО ПРИДУМАЕШЬ

«Мало влезть в шкуру действующего лица, надо еще проникнуть в его духовный мир».

Записала Л. Козлова, г. Кишинев.

«Яблоки свежие, импортные, абсолютная гниль навалом. Вес нетто — 2.000 кг».

(Из товарно-транспортной накладной).
Прислала В. Григоренко г. Одесса.

«Петр Фесик вначале произвел впечатление замкнутого, нелюдимого человека. Потом я узнал, что у него среднее техническое образование».

Газета «Черноморская здравница», г. Сочи.

«Совместная целенаправленная работа кооператива по искусственному осеменению животных и специалистов хозяйств позволит улучшить постановку племенного дела в колхозах».

(Из местной газеты).
Прислал А. Петров, г. Торжок.

«По семейным обстоятельствам у нас родилось пятеро детей».

(Из заявления).
Прислал С. Нурбекян пос. Цалка, Грузинской ССР.

«Магазину требуется продавец — на развал».

Прислал Ю. Малахов, г. Калинин.

«Начальнику цеха
от Харитонова М. Л.

Объяснительная

Я Харитонов М. Л. не был на работе 16 и 17 октября 1974 года ввиду того, что завелись деньги, еле вывел».

Прислал Ю. Сапронов, г. Новосибирск.

«Уважаемый т. Котов!

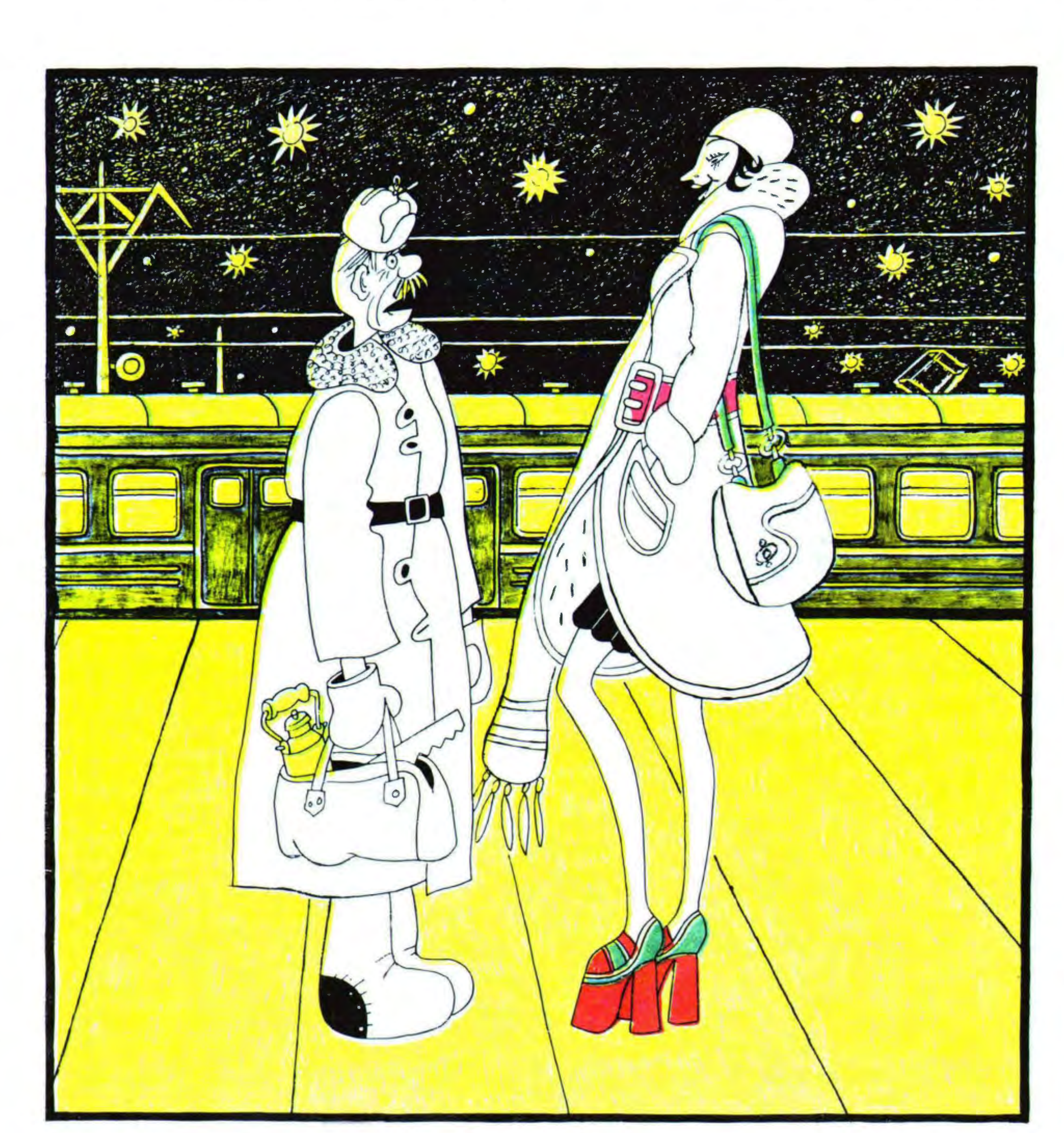
Слуховой аппарат дается или только в ухо или за ухо. У вас в ухо. Чтобы получить еще в ухо, вам надо доплатить 1 р. 88 коп».

(Из письменного ответа на запрос).
Прислала Н. Потапова, г. Воронеж.

«Лучшие стихи А. Елкова те, которые «ходили в спецовке». Правда, в них нет-нет да прорастал «репейник» манерности, живокрасивости, но поэт от книги к книге следил за своим полем, ухаживал его, что называется, в литературном поте лица.

И поэт удивленно делится с нами своими открытиями. И умеет и нас по-доброму, по-хорошему удивить каплями марта сквозь грохот котельной и твист на шестом этаже».

Газета «Вечерняя Алма-Ата».

— Это какая платформа, доченька?
— Французская.
— Ишь куда меня, старого, занесло!

Рисунок **В. ШКАРБАНА**

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Илия ПОПОВСКИ
(Югославия)

Сеанс гипноза

— А сейчас, дамы и господа,— провозгласил с легким зарубежным акцентом великий маг и гипнотизер Джеврок Джу,— мне нужен один доброволец с научной целью!

— Я!— воскликнул сидевший рядом со мной Иво. Не дожидаясь повторного приглашения, он пробрался сквозь публику и поднялся на сцену.

Великий маг отвесил поклон зрительному залу и сказал:

— Этот господин станет сейчас рабом моих мыслей! Невидимые таинственные силы телепатии, каталепсии и эпилепсии будут воздействовать на него так, что он выполнит любое мое приказание, в чем почтеннейшая публика лично убедится! Сядьте тут! — обратился маг к Иво.— Смотрите мне прямо в глаза!

Иво послушно уставился на него.

— Вы — на своем рабочем месте,— заунывно, нараспев, продолжал гипнотизер.— Вам, как всегда, очень хочется спать... Очень... хочется... спать... спать...

Иво уселся поудобнее, зевнул и стал потягиваться.

— Вы спите! — триумфально вскричал великий маг.— Спите глубоко! Сладко!

В зале раздались аплодисменты: Иво действительно сразу заснул.

Великий маг повертелся некоторое время на сцене, потом вновь встал в торжественную позу, простер руку к Иво и приказал:

— А сейчас вы пробуждаетесь! Про-буж-да-етесь!..

В могильной тишине зала слышался только могучий храп.

— Вы меня слышите? — с тревогой в голосе спросил маг.— Эй! Встаньте!

В публике послышался шепот:

— Вставай! Слышь, просыпайся, человек!

Зал почувствовал что-то неладное. Стало ясно, что тонкие нити каталепсии и эпилепсии где-то перепутались или оборвались.

— Вставай, скотина! — уже без зарубежного акцента зарычал на Иво гипнотизер и стал его трясти.

Иво спал, как пень.

— Извините, уважаемая публика,— трясущимися губами шептал гипнотизер,— тут... здесь... он...

Зал зашумел. На сцену из-за кулис вышел пожарник, ему на помощь поспешил милиционер.

Маг сидел в дальнем углу сцены, в отчаянии охватив голову руками. Пожарник вылил на Иво графин простой воды, потом две бутылки содовой. Иво не пошевелился. Тогда милиционер натренированным движением докрасна натер Иво уши. Иво продолжал спать. В зале кто-то громко сказал:

— Эх, загубил добровольца, каталептик!

Разъяренная публика двинулась к сцене.

В долю секунды я оценил всю серьезность положения и немедленно приступил к энергичным действиям.

— Стойте!— заорал я.— Соблюдайте спокойствие! Смотрите, как это делается!

Воцарилась тишина. Я взобрался на сцену. Перепуганный маг смотрел на меня взором жертвенной овцы.

В настороженной тишине прогремел мой страшный голос:

— Иво, ты что, забыл? У вас в учреждении разделили премиальные!

— А? — послышался его сонный тенор.

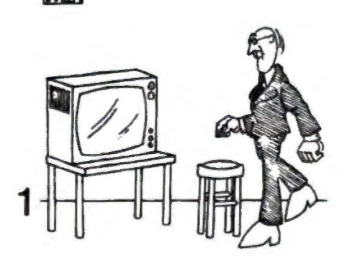
— Разделили, говорю, деньги! А тебе ничего не оставили! Сказали, что ты не горел на работе!

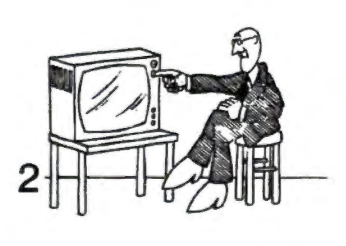
— Кто не горел? — закричал вмиг проснувшийся Иво.— Это я не горел? Я всегда горел! Я им сейчас покажу!

Иво спрыгнул со сцены и побежал к выходу. А я, кланяясь восторженно аплодирующей публике, потрепал по плечу ожившего иллюзиониста:

— Усыпить человека, факирчик, может любой! Ты вот попробуй разбудить его!

Перевел Г. КОФМАН.

«Пардон», ФРГ.

Ласло ТАБИ (Венгрия)

Услуги на дому

— Добрый вечер!

— Добрый вечер. Что вам угодно?

— Я хотел бы предложить свои услуги.

— Пожалуйста. Только короче.

— Я тоже занятой человек. Значит, сразу к делу. За пятьдесят форинтов в месяц я берусь выключать по вечерам ваш телевизор, между восемью и девятью часами.

— Что-то не понимаю. Вы думаете, я или моя жена не можем выключить сами?

— Если можете, то наш разговор беспредметен. До свида...

— Подождите! Это ваша профессия?

— Нет, вечерний приработок. У меня в окрестности уже тридцать два абонента. Я мог бы обслужить еще восьмерых. Самое большее.

— У вас есть клиент и в нашем доме?

— Три. Вот я и решил зайти к вам тоже.

— К кому же вы ходите в нашем доме?

— К доктору Фурнелеису с третьего этажа, Келцендерам с первого и к учителю Крейму, здесь рядом с вами. Можете спросить у них, если желаете.

— О чем?

— Ну, что я выполняю работу солидно и точно. Прихожу, здороваюсь, выключаю телевизор, прощаюсь и иду дальше.

— У доктора Фурнелеиса без вас не могут выключить?

— Нет. Многие годы они каждый вечер смотрели передачи, интересовали они их или нет. Доктор забросил научную работу, а также свою супругу, его сын остался на второй год в первом классе гимназии, а жена два года не готовила горячего ужина. Потом они договорились со мной, и все вошло в нормальную колею. В целом такое же улучшение намечается и в доме у Келцендеров, а учитель Крейм, к величайшему удовольствию своей жены, в вечерние часы может вновь принимать учеников. Да, но я должен спешить, меня ждут...

— Одну минуту! У меня есть один вопрос.

— Пожалуйста.

— Вы выключаете телевизор, это понятно. Но ведь когда вы уйдете, они, если захотят, могут включить снова. Разве не так?

— С виду так. Но только с виду. Потому что на самом деле они не хотят. Больше того. Они оживляются, чувствуют себя свободными и в большинстве случаев занимаются полезными делами. Вот только выключить у них не хватает силы воли. Но теперь я действительно должен идти...

— Подождите еще минутку! Вы говорите, пятьдесят форинтов в месяц?

— Да. Со спором — семьдесят, с дракой — сто.

— Это как понимать?

— Случаются непоследовательные и слабовольные абоненты, которые не дают мне спокойно работать, начинают спорить, иногда даже ругаются. Эти платят семьдесят форинтов в месяц. Те, с которыми приходится драться,— сто.

— Их избивают, а они еще платят сто форинтов в месяц?

— Да. Но это только в первые месяцы. Один мой клиент уже на третий месяц перешел на семидесятифоринтовый тариф, а еще через три месяца на обычный пятидесятифоринтовый. Ну уж теперь извините... Мне же в тридцать два места надо поспеть за один вечер!

— В тридцать три.

— А-а, значит, и вас заинтересовало мое предложение?

— Да. Так мне, может быть, удастся закончить кандидатскую диссертацию к концу года. Прямо сейчас можете приступать. Платить надо вперед?

— Естественно.

— У вас будет сдача с сотни?

— К сожалению, нет. Но не исключено, что будет драка.

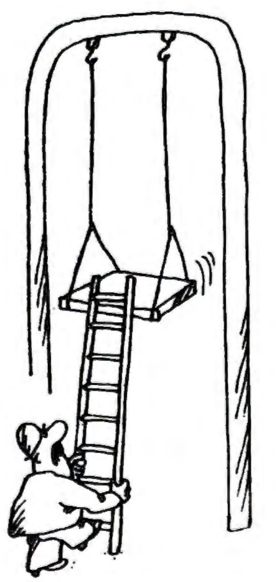
Перевел Н. ПРОШУНИН.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

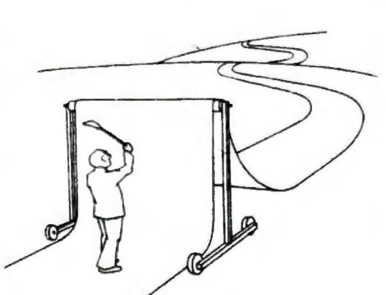
Редактор газеты получил письмо: «Синьор! В прошлый вторник я потерял золотые часы, которые являются нашей семейной реликвией. Мне посоветовали дать объявление в вашей газете, что я и сделал. На следующий день, придя домой, я нашел часы в кармане другого пиджака. Да благословит бог вашу газету!»

●

— Все-таки животные значительно выше людей в своем умственном развитии. Если, например, двадцать лошадей бегут наперегонки, пять тысяч человек платят деньги, чтобы посмотреть на них. Возьмите двадцать человек, пустите их наперегонки, и, уверяю вас, ни одна лошадь даже не обратит на них внимания.

«Ойленшпигель», ГДР.

«Дикобраз», Чехословакия.

Банкир обвиняется в мошенничестве.

— Плохо дело,— говорит ему адвокат,— пахнет минимум пятью годами.

— Сделай все, чтобы дали хотя бы год,— просит банкир,— денег я не пожалею.

Адвокат нажимает на все рычаги и добивается одного года тюрьмы.

Выйдя из заключения, банкир собирает в ресторане всех, кто старался помочь ему в беде. Вино льется рекой, гости веселятся от души. Адвокат подходит к банкиру и говорит:

— Если бы вы знали, чего мне стоило добиться для вас года тюрьмы...

— Спасибо,— бормочет растроганный банкир.

— ...Да, это было так трудно: идиоты присяжные хотели вас оправдать!

●

Двое разговаривают в электричке.

— Вчера у меня был счастливый день — после спектакля публика вызывала меня пятнадцать раз!

— Подумаешь! Меня каждый вечер вызывают раз по сто, а я и не реагирую!

— О, вы тоже актер?

— Нет, я официант.

Молодой шотландец пришел на почту и послал телеграмму девушке, предлагая ей выйти за него замуж. Он решил дождаться ее ответа и целый день проторчал на почте. Ответ пришел после полуночи.

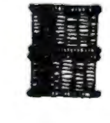
— Вы уверены, что не ошиблись в выборе? — спрашивает телеграфист.— Она, похоже, не торопилась с ответом.

— Наоборот, это-то как раз и важно. Она дождалась ночного льготного тарифа.

●

— Послушай, сынок, вот в газете пишут, что лось напал на учителя.

— А как лось догадался, что это учитель?

— У меня украли корзину!

«Дейли миррор», Англия.

КРОКОДИЛ

№ 7 (2125)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, В. Каневский, В. Мохов, К. Невлер, Ю. Степанов, И. Сычев, М. Ушац, А. Чикарьков, Е. Шабельник.

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 17/II 1975 г. А 00784. Подписано к печати 27/II 1975 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 498 440). Изд. № 742. Заказ № 160.

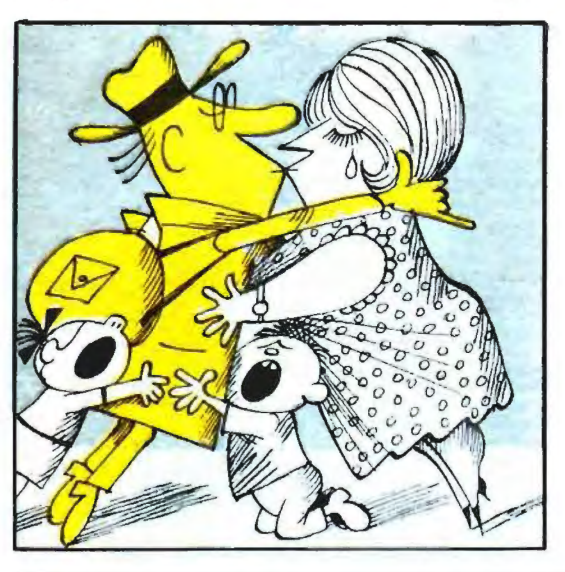
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

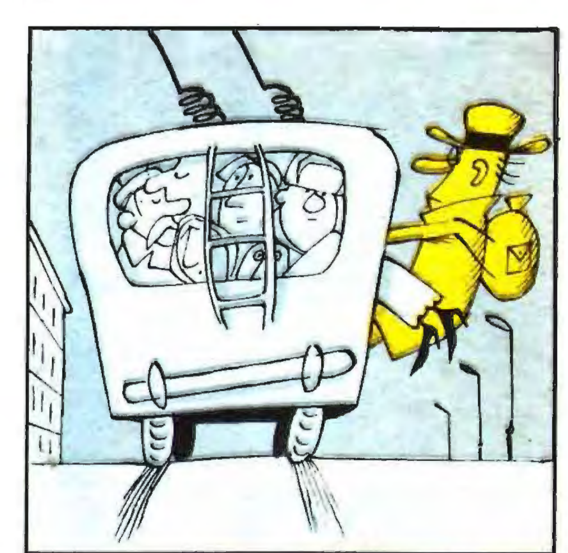
Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

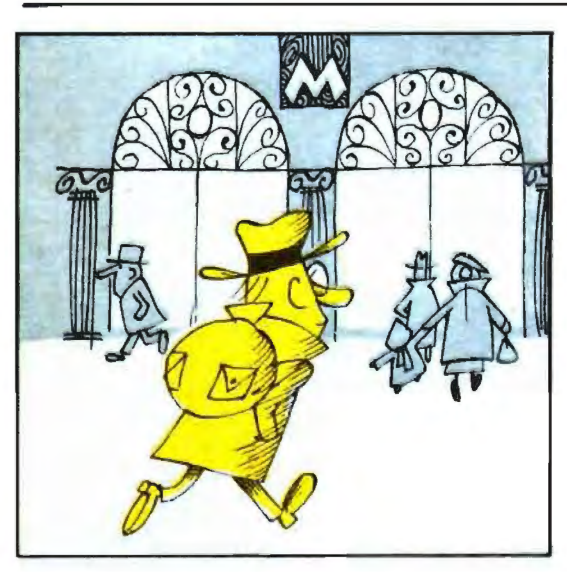
ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

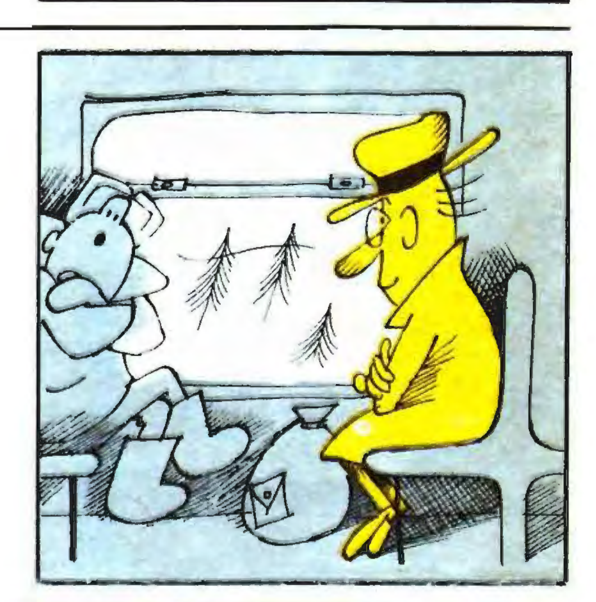

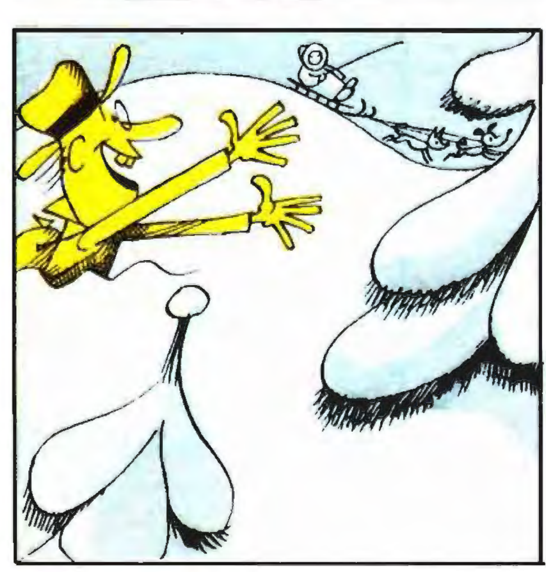

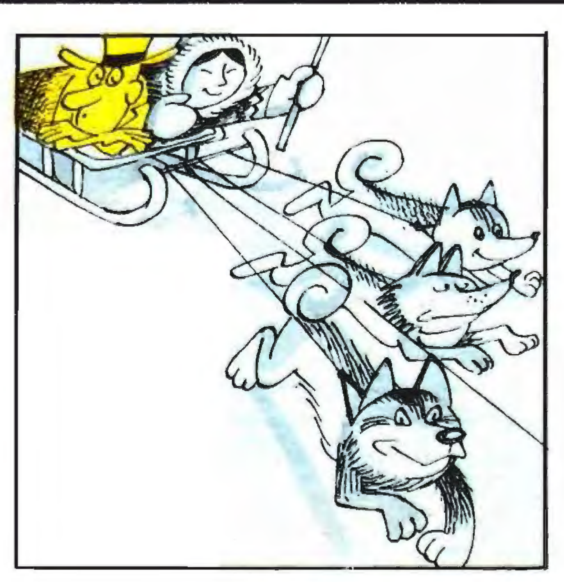

— Спасибо, я приехал, вот мой гараж!